

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

В ПОИСКАХ
НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Фран Варади

Энн Грэнджер

В поисках неприятностей

«Центрполиграф»

1997

Грэнджер Э.

В поисках неприятностей / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
1997 — (Фран Варади)

Франческа Варади обладает живым, независимым умом и сильным характером. Только благодаря этому ей удалось выжить в Лондоне, когда она осталась одна без родных, без средств и крыши над головой. Фран не привыкает к неприятностям, они сыпятся на ее голову одна за другой. В очередной раз она осталась без работы, да еще власти выселяют из дома, который она и ее друзья заняли, потому что им негде жить. И как будто этого мало: они обнаружили Терри, девушку из их компании бездомных, в петле под потолком. Никто не поверил в то, что это самоубийство. Не очень надеясь на полицию, дед погибшей, как оказалось состоятельный человек, просит Франческу выяснить, что же произошло на самом деле...

© Грэнджер Э., 1997

© Центрполиграф, 1997

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Энн Грэнджер

В поисках неприятностей

Глава 1

В понедельник утром явился чиновник из жилищного отдела муниципалитета и вручил каждому из нас по повестке.

– Я действую по инструкции! – сообщил нам этот тип срывающимся от волнения голосом.

Он оказался на удивление молод, его пухлое, розовощекое личико в обрамлении кудрявых волос не оставляло в этом сомнений. Чиновник как мог старался выглядеть суровым, но у него это не слишком хорошо получалось. К тому же он нас явно побаивался.

Мне, впрочем, не верилось, что он всерьез напуган. Конечно, нас было больше, но ведь он знал, с кем имеет дело. И он, и его многочисленные сослуживцы не раз здесь побывали. Правда, раньше мы запирались изнутри и не пускали их, поэтому им приходилось стоять под окнами и орать во всю глотку. В основном в этом и заключалось их общение с нами. Но утром в понедельник мы открыли парадную дверь. Нам вынесли приговор. Мы все понимали, и он знал, что мы все знаем. Оживленные перепалки во весь голос утратили смысл. Затянувшийся конфликт разрешился на удивление мирно и скучно.

И все-таки тип из муниципалитета отнесся к нам настороженно – может, боялся, что мы, в знак протеста, разорвем врученные им повестки. Фитиль достал свою из конверта и вертел в руках, словно надеялся обнаружить в ней нечто важное. Терри сунула свою повестку в карман вязаного пальто. Нев как будто не собирался принимать свою повестку, но в конце концов все же взял. Получив свою, я сказала:

– Спасибо, хоть и не за что!

Чиновник откашлялся и провозгласил:

– Завтра я приду в суд вместе с нашим адвокатом. Мы будем добиваться решения суда о немедленном вступлении во владение домом. Скорее всего, суд удовлетворит наш иск, и вам придется подыскивать себе другое жилье. Даем вам срок до пятницы. Дело переходит в юрисдикцию суда и судебных приставов, поэтому спорить со мной бесполезно! Если хотите, попробуйте что-нибудь доказать завтра в суде, но, по-моему, у вас все равно ничего не получится.

Тип как будто оправдывался, хотя никто не удосужился ему ответить. Мы всегда, с самого начала, знали, что проиграем. И все же, несмотря ни на что, после его слов мне стало по-настоящему тошно. Я отвернулась и стала смотреть в окно, пытаюсь напустить на себя невозмутимый вид.

Утро выдалось пасмурным, небо, затянутое тучами, грозило дождем, хотя наверняка он начнется только вечером. Сплошная облачность не давала подниматься выхлопным газам и прочим неприятным запахам. Я без труда улавливала душок горелого мяса и лука из гамбургерной «Дикий Запад» в соседнем квартале.

В это утро я не испытывала особой радости еще до прихода нашего гостя, потому что накануне, в пятницу, потеряла работу. Управляющий выяснил, что «у меня нет постоянного места жительства»... и все. «Отсутствием постоянного места жительства» он обозвал мое теперешнее проживание в сквоте. Иными словами, я самовольно вселилась в пустующий дом.

Формально мы и правда не имели никакого права жить в том месте, но в свое время никто не помешал нам вселиться в предназначенное к сносу и на то время фактически бесхозное здание. Мы успели прожить в сквоте достаточно долго, привыкли к нему и считали своим домом, больше того, даже надеялись на успех. Мы называли себя «коммуной творчески

мыслящих художников на Джубили-стрит», хотя ни одно из наших творений не получило бы поощрения от Совета по искусствам или Национальной лотереи. И все же, балансируя на краю пропасти и прозябая в неизвестности на Джубили-стрит, мы мечтали о славе. Конечно, мы были наивны до глупости. Мечтать гораздо приятнее, чем действовать на самом деле.

Кстати, Фитиль ни о какой славе не помышлял – его, пожалуй, следует исключить из наших стройных рядов. Фитиль жил сегодняшним днем и о будущей славе не грезил.

Зато Нев составил подробный план. Он даже дал мне почитать двадцатистраничное изложение своего будущего романа. Мне показалось, что будущий шедевр, во всяком случае по объему, бросает вызов «Войне и миру». Каждый день Нев безжалостно терзал старую механическую пишущую машинку. Слушая стук клавиш, я гадала, удастся ли ему когда-нибудь дописать свой опус.

Фитиль был уличным художником и мог изобразить на асфальте любую картину. Наверняка найдутся критики, считающие, что такую работу нельзя назвать творческой в полном смысле слова, ведь он только копирует и ничего не придумывает. Но видели бы вы, что способен изобразить Фитиль на тротуаре при помощи коробки мелков! Под его ловкими пальцами шедевры старых мастеров, набившие оскомину одной своей известностью и пылящиеся в музеях, обретали новую жизнь. Меловые творения Фитиля были настолько превосходно выполнены, что многие прохожие ахали, увидев у себя под ногами выразительные лица. Как-то раз случилось так, что мимо проходил искусствовед. Он был поражен тем, что увидел, и решил представить Фитиля миру. Уж не знаю, как бы он перенес на выставку тротуарную плитку! Похвалы искусствоведа смутили Фитиля. Он буквально ужаснулся своей возможной известности, схватил коробку с мелками и скрылся в неизвестном направлении. Вернее, уехал из Лондона. Где-то в провинции он украшал тротуары до тех пор, пока не решил, что о нем забыли и можно безбоязненно вернуться в столицу.

Ну а я... Мне до сих пор хочется стать актрисой. Правда, жизнь то и дело вмешивается в мои планы. Колледж, куда я записалась на курс актерского мастерства, я бросила. Если не считать нескольких ролей в одном уличном театре, звезды сцены и экрана из меня пока не вышло. Правда, я все равно надеюсь, что когда-нибудь стану знаменитой. Ну а пока не переставая борюсь с призраком нищеты и голода, так что забот мне хватает. А еще приходится присматривать за двумя моими товарищами.

Мы втроем первыми вселились в этот дом. Вскоре к нам присоединился Деклан, невысокий жилистый длинноволосый парень с лицом добродушного эльфа. Его руки и плечи сплошь покрывали татуировки. На одной руке была изображена страшная змея; на другой – Святое сердце Иисусово. По словам самого Деклана, он помнил, как ему накололи Святое сердце, зато понятия не имеет, откуда на его руке появилась змея. Однажды утром он проснулся в жестокое похмелье, смотрит – а змея ползет по его плечу.

– Я решил, что у меня белая горячка, – пояснил Деклан.

Иногда он вытягивал руку и задумчиво разглядывал змею. По-моему, она его немного пугала.

Деклан объявил себя рок-музыкантом без группы – гитариста его бывшей группы случайно ударило током, когда они репетировали в церкви.

– У бедняги волосы встали дыбом, – не без изумления рассказывал Деклан, скорбно качая головой. – Конечно, упокой Господь его душу, но вид у него сделался до жути смешной. Мы хохотали – конечно, до тех пор, пока не поняли, что он дал дуба. Тут мы сразу протрезвели и вызвали скорую помощь. А пока она ехала, толпились вокруг него и пытались вспомнить, как делать искусственное дыхание. Правда, все сразу поняли, что ему крышка. Да еще уселок накрылся, а на новый у нас бабла не хватало. И вдруг... хотите верьте, хотите нет, вбегает в церковь какой-то мозгляк и ну орать на нас! Мол, из-за нас пробки выбило во всем квартале. Никакого почтения к смерти, представляете? Ну, мы с барабанщиком взбесились, наорали на

него, вздули как следует и выкинули в окно. Падать там невысоко, он отскочил от земли, как мячик. Но нас все равно посадили за нападение.

Деклан играл на бас-гитаре, а бас-гитаристу нужна группа.

Чуть позже у нас поселилась Люси с двумя детьми. К искусству Люси не имела никакого отношения. Она сбежала от мужа, который ее избивал, и до нас некоторое время жила в приюте для женщин, страдающих от домашнего насилия, в нескольких кварталах отсюда. Я познакомилась с ней, когда работала в овощном магазинчике Пателов на углу. Люси покупала там морковь для своих детей, чтобы им было что погрызть. В сырой морковке много витамина С и нет кислот, которые портят зубную эмаль. К тому же морковь дешевле многих фруктов.

Люси пыталась найти себе постоянное жилье и работу. Приют был переполнен, и она догадывалась, что долго ее там не продержат. Левая рука у нее была сильно изуродована – как-то муж рассердился на нее из-за того, что она задержалась с ужином, и приложил ее ладонь к раскаленной конфорке плиты. Шрамы от ожога выглядели ужасно, но что было еще хуже – у нее нарушилась подвижность левой кисти. Люси стеснялась своей руки и, если ее кто-нибудь спрашивал, как это произошло, уверяла, что обожглась сама, случайно. Правду она рассказала мне однажды вечером, уже после того, как переселилась к нам в сквот. Я никак не могла понять, почему она так долго не уходила от мужа, который издевался над ней.

– Уйти с двумя детьми непросто, – ответила Люси.

И все же она ушла, когда муженек начал избивать детей. По словам Люси, у ее супруга «проблемы с алкоголем». По-моему, у него проблемы с головой. Я и прежде нисколько не сомневаюсь в том, что мне живется куда лучше, но рассказы Люси лишний раз подтвердили, насколько драгоценна моя независимость.

Дом, который мы заняли, стоял на отшибе в конце целого ряда краснокирпичных домов, прижатых друг к другу. Его построили раньше, чем в моду вошла так называемая ленточная застройка. Нам приятно было считать, что мы живем в памятнике архитектуры ранневикторианской эпохи. Видимо, раньше наше жилище окружал большой сад. Остатки сада разрослись и превратились в настоящие джунгли. Полоска земли между фасадом и тротуаром была завалена разным мусором. По краям бывшего двора зияли глубокие ямы; там когда-то вкопали столбы для ограды, которая давно исчезла. Дом мог похвастать грязно-белым фасадом, с которого отваливались целые пласты штукатурки, колоннами по сторонам парадного входа и подъемными окнами, которые не поднимались. В подвале вечно стояла вода. Наверное, когда дом только построили, он считался очень красивым и жить в нем было уютно. Теперь он напоминал старую бездомную нищенку с нашей улицы, которая давно перестала за собой следить. Грязный, закопченный, дом не разваливался только потому, что мы как умели ремонтировали его. И все-таки это была крыша над головой, и мы старались сделать свое жилище уютным.

К сожалению, расположиться с удобством мы не успели. Через несколько недель после вселения нам вручили письмо из муниципалитета, который официально являлся собственником дома. В письме сообщалось, что дом запланирован к сносу, предусмотренному планом реконструкции квартала, и никакие наши действия не могут этому помешать. Вселившись, мы сразу обратились с просьбой к местным властям назначить нам регулярную арендную плату, но они проигнорировали нашу просьбу. Зато забросали письмами на канцелярите, который с трудом поддавался переводу на нормальный человеческий язык. Вскоре в доме отключили электричество – на всякий случай, если до нас не дошло. Воду, правда, оставили, но что толку, раз дело передали в суд?

Одно время Нев носился с мыслью включить дом в список архитектурных памятников. Мы даже написали в Комиссию по охране исторических зданий и памятников и в Национальный трест¹. В ответных письмах нас благодарили за интерес к прошлому, однако сообщали,

---

¹ Н а ц и о н а л ь н ы й т р е с т – организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных

что наш дом не представляет интереса с исторической точки зрения и включить его в список охраняемых нецелесообразно.

Из соседних домов выселялись жильцы; после них оставались пустые, заколоченные оболочки. Мы держались, как легионеры в пустынном форте. Началось противостояние между нами и неистовыми воинами-берберами в лице вереницы муниципальных чиновников.

Мало-помалу нас начали вытеснять. Вначале местным властям, угодившим в собственную ловушку, пришлось подыскать новое жилье для Люси и ее детей, один из которых болел астмой. Потом ушел Деклан. Куда он подался, мы не знали, хотя он туманно намекал на какую-то группу, которой вроде бы нужен бас-гитарист. За неделю до того к нам навевались суровые парни и спрашивали Деклана; мы решили, что у него какие-то неприятности. С другой стороны, у кого их нет? Мы никого не заставляли раскрывать душу.

Зато у нас поселилась Терри, миниатюрная блондинка с волосами, разделенными посередине пробором. Пряди спадали по обе стороны ее измученного личика, как уши у спаниеля. Появление Терри совпало с моментом, когда нам отрубили электричество, так что она с самого начала стала символом распада. Знаю, думать так жестоко, но, как оказалось, мои худшие опасения подтвердились.

В тот день, до того, как нам вручили приказ о выселении, я думала, что положение у меня хуже не придумаешь. Заведующий отделом упаковки магазина «Заказы почтой», в котором я до того трудилась, терпеть не мог сквоттеров, как, впрочем, и большинство добропорядочных граждан. Он все время пытался от меня избавиться, только повода не было. Работа меня в целом устраивала – несмотря на монотонность и низкую зарплату. Я ни разу не опоздала и не сбежала раньше времени. Не сломала ни одной вещи, не отправила по ошибке посылку не по тому адресу, не позволяла себе в виде шутки отправлять покупателям нечто совершенно неподобающее. Но заведующий обвинил меня в том, что я «утаила некоторые обстоятельства о себе», а у компании, как он выразился, «принципиальное отношение к обману».

Я бы ни за что не пошла паковать посылки, будь у меня другая работа. Платили там мало, чуть больше пособия по безработице, а условия, в которых мы трудились, заставляли вспомнить произведения Диккенса. И все-таки даже такая работа лучше, чем полная безработица. После того как меня выгнали, я стала и безработной, и – официально – бездомной. Понимая, что скоро у меня в буквальном смысле не будет крыши над головой, я затосковала.

Наше молчание как будто привело чиновника в замешательство. Он снова подал голос:

– Послушайте, вы обязаны освободить дом до пятницы. Судебные приставы, если понадобится, выкинут вас силой. Они вызовут полицию; уверяю вас, от них бесполезно убегать по крышам или, скажем, пытаться зацементировать себе ноги...

Мы продолжали молча смотреть на него. Подобные реплики в самом деле не требовали ответа. На такие глупости не способен даже Фитиль.

И Нев не выдержал:

– Вы что, шутите? Да любой, кто вскарабкается на эту крышу, тут же проломит ее!

Мне стало немного жаль нашего гостя, и я предложила ему чаю – мы как раз заварили свежий. Нев разжег камин от лучины – он нарубил на растопку старую деревянную садовую скамейку, стоявшую на заднем дворе. Чайник мы подвесили на крюк в изгибе каминной решетки.

Чайник нам наладил Деклан, пока жил с нами. Как раз тогда нам отключили электричество. Деклан уверял, что его бабушка в Ирландии всю жизнь готовила на семью из тринадцати человек при помощи одного только чайника, висевшего на таком же крюке. Деклан был буквально напичкан подобными историями. В половину из них верилось с трудом. Зато другая

половина, звучавшая так же безумно, оказывалась вполне правдоподобной. Невозможно было понять, когда он говорил правду, а когда нет.

Конечно, мы готовили не только в очаге. У нас имелась плитка, которая работала на газовых баллонах. Но заправлять баллоны дорого, поэтому мы старались как можно чаще готовить на открытом огне.

От чая гость отказался, но вид у него сделался уже не такой испуганный. Однако он сразу же надулся от важности, и я перестала его жалеть.

– Мы неоднократно писали вам, информируя о том, чем грозят ваши действия. Несколько раз выселение откладывалось, но больше медлить невозможно. Мы сделали все, что в наших силах. Весь квартал подвергнется масштабной реконструкции. Из всех остальных домов на этой улице сквоттеры уже выселились – вняли доводам разума. Остались только вы. Мы всячески разъясняли вам, почему вас выселяют! У вас должны были сохраниться наши письма.

– Я все понимаю, – ответила я, стараясь держать себя в руках. – И ваша точка зрения мне ясна. Но поймите и вы нас. Нам негде жить. Если вы выкинете нас отсюда, мы станем настоящими бездомными. Местные власти могут предоставить нам другое жилье?

– Нет, – устало ответил чиновник. – Нет у нас другого жилья. Для миссис Хоу и ее детей было сделано исключение. Мисс Варади, из тех, кто остался, только вы еще могли бы доказать, что имеете какое-то отношение к нашему округу, да и то вряд ли! Все, что мы можем для вас сделать, – включить вас в список очередников. За трех ваших сожителей мы ответственности не несем. Попробуйте поискать жилье в частном секторе.

– Ни один домовладелец не сдаст нам квартиру! А если и сдаст, жить в ней нам не по карману! Здесь мы поддерживаем чистоту и порядок, – продолжала я. – Не устраиваем шумных вечеринок и вообще не делаем ничего, чего не делали бы вы сами. Посторонних на ночлег не пускаем. На самом деле мы – добросовестные жильцы. Точнее, были бы ими, если бы вы позволили нам оплачивать жилье и поставили нас на баланс. Больше мы ни о чем не просим. Что в этом плохого?

– В течение полугода дом должны снести. А сейчас оставаться в нем небезопасно; условия проживания не соответствуют нормативам. Электричество отключено, – не сердито и не раздраженно, а устало ответил чиновник. – Кстати, все это мы тоже разъясняли в наших письмах. Признайтесь, вы ведь их не читали?

В разговор вмешался Фитиль и сразу все испортил:

– Ага, мы их сразу рвали и кидали в камин, на растопку. Спички сэкономили.

Чиновник из жилищного отдела побагровел, в последний раз напомнил нам о необходимости поскорее выселяться и ретировался. Надо сказать, ушел он как раз вовремя. Пока он находился в доме и беседовал с нами, местная шпана начала проявлять интерес к его новенькому «форду-фиесте». Еще несколько минут – и какой-нибудь умелец вскрыл бы машину, забрался внутрь... и только бы хозяин ее и видел!

После того как наш гость ушел, мы созвали военный совет. Конечно, все понимали, что уйти придется, вот только мы не знали куда. Конец лета, вот-вот начнутся холода. В такое время неприятно оставаться на улице. К тому же жить на улице гораздо опаснее, чем в сквоте, пусть даже в таком, как наш, – с текущей крышей и прогнившей лестницей. Но представитель местных властей ясно дал нам понять, что ни на какую поддержку с их стороны мы права не имеем.

Терри сидела на ступеньке лестницы, крутила между пальцами прядь светлых волос и ждала, пока кто-нибудь что-нибудь предложит. Сама она не предлагала ничего, зато чужие идеи с ходу отвергала и, похоже, получала от своей критики настоящее наслаждение. Мир еще не видел такую зануду, как Терри. От работы по дому она предпочитала уклоняться, а когда приходилось скидываться на еду или еще что-нибудь, делала вид, будто не слышит. Я часто

жалела, что у нас задержалась Терри, а не Деклан. Лучше бы она ушла, а Деклан вернулся! Он хотя бы умел все чинить и вообще был свой в доску.

Говорят, надо быть осторожнее со своими желаниями. Иногда они исполняются, и тогда приходится иметь дело с последствиями.

Терри заметила мои мрачные взгляды и моментально стала казаться маленькой и беспомощной. Это ей очень хорошо удавалось; наверное, из-за ее жалкого вида мы ее и приняли. И хотя актрисой в нашей компании считалась я, мне все чаще казалось, что Терри упустила свое призвание. Она посмотрела на меня сквозь завесу волос и жалостно произнесла:

– Мне некуда больше идти!

– Как и всем нам! – отрезала я.

Потом мы перешли в гостиную. Они втроем расселись полукругом и стали пить чай и смотреть на меня умильными щенячьими глазами. Кружка у каждого была своя; пить из чужой по правилам нашего дома запрещалось.

– Фран, что нам делать? – спросил Нев так доверчиво, что мне стало еще тоскливее.

В конце концов, решения всегда приходилось принимать мне. В тот день я ничего не могла придумать, хотя и понимала: должна что-то сказать. От меня ждали плодотворных идей. Поэтому я осторожно начала:

– Вот если бы удалось угнать какую-нибудь развалюху, в ней мы могли бы ночевать и переезжать с места на место...

– Уж лучше спать где-нибудь в подъезде, – сразу же возразил Фитиль. – Одно время я хипповал, ездил по стране со сторонниками «ню-эйджа»². Больше не хочу. Надоело всякий раз, если хочешь сходить по нужде, копать яму, а по ночам слушать фолк-музыку. Даже не думай!

– Он в чем-то прав. Такое житье еще годится для лета, – добавил Нев. – Но зима – не шутки.

– И потом, полиция все время гоняет с места на место, – не преминула вставить Терри. – А в дождь жить в палатке врагу не пожелаешь! Все течет, сверху капает, и каждый готов на что угодно, лишь бы очутиться в сухом месте... Плавали, знаем!

– А мне здесь нравится, – задумчиво проговорил Нев. – В этом доме.

Фитиль стащил с бритой головы фетровую шляпу и заглянул в нее. Может быть, надеялся найти внутри свежую мысль. Видимо, ничего не найдя, погладил себя по затылку и снова осторожно надел головной убор.

– А мне нет, – сказала Терри. – Здесь крысы.

– Крысы везде, – ответил Фитиль. – Ничего страшного в них нет. Их приручить можно. Была у меня одна белая крыска; я везде таскал ее с собой за пазухой. И представьте, ни разу она меня не укусила! Я продал ее за пятерку одному типу, с которым познакомился в пивной. Правда, он был пьян в стельку. Наверное, принес крыску домой, а она его покусала. Других она кусала, а меня – ни разу. Меня животные любят.

И это истинная правда! Терри буркнула: мол, все потому, что от Фитиля воняет козлом, поэтому звери и считают его своим. Она еще больше надулась и поскучилась. Сидела, куталась в свое старое вязаное пальто, которое носила не снимая, и смотрела на меня исподлобья.

Ее пальто свалилось от грязи, но я как-то видела на нем бирку. Судя по названию фирмы, оно когда-то было очень дорогим. Я решила подшутить над Терри, но она обиделась и заявила, что получила пальто в Оксфаме³. Я ей не поверила – и сейчас вспомнила, о чем подумала тогда. Уверена, что пальто Терри украла. Она любила таскать то, что плохо лежит, хотя ей хватало

---

² «Нью-эйдж» (букв. «новая эра») – общее название различных мистических течений и движений, популярных во многих странах.

³ Оксфам – оксфордский комитет помощи голодающим – благотворительная организация с центром в Оксфорде; оказывает помощь голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий.

ума не трогать мои вещи или вещи Нева. А может быть, наше имущество просто не вызывало ее интереса. Ну а Фитиль... Только полный псих украл бы что-нибудь у Фитиля. Пес сразу схватил бы вора. И даже если бы пес не стоял на страже, пожитки Фитиля как-то не вызвали желания в них покопаться.

Как я уже говорила, мы никогда не расспрашивали новых соседей о прошлом. Если уж человек дошел до того, что хочет поселиться в доме, предназначенном к сносу, пораженном гнилью и грибом, согласен жить без света и элементарных удобств, значит, ему нужна крыша над головой, а не лишние вопросы. И все-таки рано или поздно большинство рассказывали о себе хоть что-то. Но только не Терри. Она держала язык за зубами. Я понимала: кем бы она ни была раньше, деньги у нее водились. Это было видно невооруженным глазом. И у меня возникло еще больше вопросов насчет пальто.

Мы все утро обсуждали наше положение, но так ничего и не придумали. А потом даже поссорились – не из-за того, где нам жить дальше, а из-за собаки Фитиля.

Терри заявила, что у пса блохи: мол, вечно он чешется. О себе Фитиль позволял говорить все что угодно, но сразу вскипал, если кто-то обижал его пса. Его любимец выглядел забавно: одно ухо вывернуто наизнанку, другое стоит торчком. Передние лапы кривые. Фитиль подбрав щенка на помойке. Решил, что кто-то выкинул его, потому что малыш оказался самым слабым в помете. Как бы там ни было, своего любимца он выходил, и тот вырос нормальным, если не считать кривых передних лап. Пес был славный и ко всем, в общем, относился дружелюбно – правда, не когда охранял пожитки Фитиля. Мы все его любили, кроме Терри. Правда, она никого и ничего не любила.

Поэтому, когда Терри оскорбила его пса, Фитиль взвился и тоже высказал ей все, что он о ней думает. Слушать, как они орут друг на друга, было невыносимо. Дома я всегда старалась сдерживаться, потому что, как только один начинает орать, все тоже срывается на крик. Но мы уже и так ссорились, и несправедливые упреки Терри стали для меня последней каплей. Мне и раньше противно было слушать, как она поносит наш дом. Мы пустили ее к себе, дали ей крышу над головой, но она не преминула сообщить, что дом не соответствует привычным для нее нормам!

И я заорала:

– Ты – самая настоящая заноза в заднице! – Правда, я сказала не «задница», но это не важно. – Тебя никто к нам не звал, ты сама пришла! Мы на свою голову пустили тебя, и с тех пор ты только и делаешь, что ноешь и жалуешься с утра до ночи! Можно подумать, у тебя одной жизнь тяжелая! Тебе не хуже, чем всем остальным! – Вспомнив ярлык дорогой фирмы на ее пальто, я продолжала: – Знаю я таких, как ты. Когда тебе надоест здесь жить, ты просто вернешься туда, откуда пришла!

Терри побелела как мел. Откинула назад свои «уши спаниеля» и прошипела:

– Заткнись, Фран! Ты ничего обо мне не знаешь! Тебе просто нравится помыкать нами, вот и все! Сделай это, сделай то! Обожаешь командовать и чтобы твои приказы выполнялись! Со мной у тебя этот номер не пройдет, так и знай! Я тебе не подчиняюсь! Что, съела? Вечно изображаешь из себя мать настоятельную! У нас коммуна, у всех равные права, поняла? Знаешь, почему остальные не против? У Нева нервное расстройство, а у Фитиля вообще нет мозгов. Ты привыкла, что они тебе не перечат, но я не такая, заруби себе на носу!

В ее голосе слышалась злоба, которую она раньше старательно скрывала. Но меня больше всего потрясло другое: само обвинение. Я вовсе не считала себя властной особой, которая обо-жает всеми помыкать. Мне не понравился нарисованный Терри портрет, и я решила оправдаться.

– Я никому и ничего не приказываю, а, наоборот, стараюсь помочь! Если бы ты, как все мы, что-то делала, из тебя, может, и вышел бы толк! Даже Фитиль – и тот старается!

Услышав мой комплимент, Фитиль удивился. Должно быть, его похвалили впервые в жизни.

– Спасибо, Фран! – сказал он.

Нев испуганно заметил:

– Слушайте, нам надо держаться заодно. Сейчас совсем не время разбежаться!

– Мы с тобой и Фитилем с самого начала держимся заодно... а она явилась потом. Если хочет, пусть убирается! – закричала я.

Терри вывела меня из себя, и оттого я злилась на нее еще больше. Теперь мне неприятно вспоминать о том дне. Я совсем не горжусь собой и понимаю, что не должна была набрасываться на нее. И Терри правильно заявила, что я ничего о ней не знаю.

Совершенно не помню, как Терри у нас поселилась. Кажется, ее привела Люси. Раньше мне казалось, что Терри осталась у нас главным образом из-за Деклана – он ей понравился. Кажется, и Деклану понравилась Терри, что, впрочем, не помешало ему уйти. По-моему, Деклан правильно сделал, что не взял ее с собой. Без нее ему куда лучше. Ну а я невзлюбила Терри с самого начала, не стану притворяться. И все-таки того, что произошло, я бы врагу не пожелала... И никто бы не пожелал.

Тип из муниципалитета приходил утром в понедельник. Понимая, что у нас почти не остается времени, мы с Невом отправились в Камден; кто-то говорил ему, что там есть какой-то сквот. Надо было проверить, найдется ли там местечко для нас. Отыскав нужное место, мы увидели, что дом пустой и стоит заколоченный. Тамошние власти успели выселить всех обитателей. А жаль, дом нам понравился. И выглядел он получше, чем наш. Потом мы немного послонялись в районе Камденского шлюза.

Фитиль и его пес ушли в западном направлении. Фитиль прихватил с собой мелки и открытку с репродукцией картины Эль Греко «Успение Богородицы». Ему оставалось найти лишь свободный клочок тротуара. Он не мог себе позволить тратить время даром, особенно теперь, когда погода снова портилась.

Терри не сказала, чем собирается заняться, да мы ее и не спрашивали. Никто не ожидал, что она займется чем-нибудь полезным – например, поищет нам другое жилье.

Знаю, о мертвых не принято говорить плохо. Это неприлично. О мертвых полагается говорить только хорошее, иначе они вернутся и начнут тебя преследовать. Теперь я убедилась, что это так и есть, потому что Терри преследовала меня. Возможно, не забыла, сколько я ей наговорила колкостей, пока она жила с нами, и сколько всего сказала потом... после того, как это случилось.

Вернусь к понедельнику. Мы с Невом пришли из Камдена довольно поздно. Знакомые пригласили нас отобедать с ними. Они были вегетарианцами, как Нев, поэтому накормили нас в основном бобами, правда приготовленными с выдумкой. Я с удовольствием ела горячее, пряное рагу, хотя и понимала, что потом желудок мне отомстит.

Когда мы вернулись, в доме царила тишина. Было темно из-за того, что отключили электричество. Мы жгли свечи. Войдя, я втянула воздух: кроме обычного запаха гнили, я уловила что-то еще, что подсказывало: в доме кто-то побывал. Никаких доказательств я предъявить не могла; у меня возникло лишь неясное ощущение, правда довольно стойкое. В доме побывал чужак. Совершенно посторонний человек, не такой, как мы. Не был он и представителем местных властей. Он оставил после себя след в виде запаха – почти неуловимого аромата какого-то одеколона. Одно время я работала в дешевой аптеке, где приторговывали парфюмерией по сниженным ценам. В одеколоне я разбираюсь – во всяком случае, умею отличить хорошие от дешевки. У нас пахло дорогим одеколоном – такие обычно покупают в подарок на Рождество.

Чужой запах в прихожей разозлил меня. Вначале я решила, что Терри опять воровала в магазине. А ведь я всегда ее отговаривала! Потом я немного остыла и подумала: а вдруг у нее

на самом деле больше денег, чем она говорит? Что, если она купила такой одеколон для себя? По-моему, такие ароматы гораздо больше подходят женщинам, чем мужчинам. Правда, это лично мое мнение. Ну а Терри... Она никогда не признавалась, сколько у нее денег. И тратила то, что у нее было, на всякое барахло да на глянцевого журналы, в которых печатают идиотские советы, как превратить убогую квартирку в роскошные апартаменты, куда не стыдно позвать корреспондентов из «Хелло». Это в то время, когда мы жили на одном хлебе с маргарином и подставляли ведра под дыры в крыше!

Я поделилась своими мыслями насчет одеколona с Невом, но он ответил, что ничего не чувствует, потому что все забивает плесень. О том, что у нас побывал чужак, я решила умолчать. Не так просто было объяснить, почему мне так показалось. Люси верит в сверхъестественное; она-то и сообщила мне, что я – прирожденный медиум. Я ни во что такое не верю. Во всяком случае, не думаю, что верю. Если бы меня заставили объяснить, что я почувствовала в тот миг, теперь, оглядываясь назад, я могу признаться: наверное, я почуяла опасность. Будь я пещерной женщиной, я бы предположила, что рядом с моей пещерой бродит поросший шерстью мамонт. Но в тот день опасность таилась не снаружи. Она была внутри, в нашем жилище.

Мы вошли в гостиную и снова растопили камин, потому что продрогли от холода. Мы оба молчали, но думали, что на следующей неделе станет гораздо холоднее, а нам наверняка придется спать под открытым небом, пока мы не найдем себе другое жилье. Через какое-то время вернулся Фитиль с собакой и четырьмя банками пива. А еще он принес упаковку сосисок, которые решил поджарить на лопате вместо сковородки.

Сосиски пахли восхитительно. Жир шипел и капал в пламя, и его языки, красные и желтые, взметались вверх. Стало очень уютно, и нам было хорошо. Когда сосиски поджарились, стали хрустящими и темно-коричневыми, Фитиль предложил их нам. Можно как угодно относиться к Фитилю, но одного у него не отнимешь: он парень добрый и всегда делится. Нев от сосисок отказался, потому что он не ест мяса, а я отказалась из-за того, что бобы, которыми нас угостили, уже давали о себе знать. И потом, я была уверена, что Фитиль, скорее всего, с самого утра ничего не ел.

Часть сосисок Фитиль отделил для пса и положил их на каминную полку, чтобы остыли. Потом он спросил:

– Как вы думаете, Терри будет есть сосиски, когда вернется?

– С чего ты так о ней печешься? – ответила я. – Ей-то на нас наплевать! – Мои слова отражали мои тогдашние чувства. Терри все-таки была одной из нас, хотя и не нравилась мне. Если бы в то утро я с ней не поссорилась, я бы, наверное, предложила оставить ей еды.

Но в ту ночь она не вернулась – во всяком случае, мы думали, что она не вернулась. Мы ее не видели.

Терри не объявилась и на следующее утро, и Фитиль предположил, что она подалась в бега, как Деклан.

– Нашла себе другое жилье, – сказал он. – Нас бросила, а сама куда-нибудь переселилась. После того как к нам приходили из муниципалитета, ее винить трудно. Наверное, здесь оставаться уже бессмысленно.

Формально Фитиль был прав, и мы понимали, что наши дни здесь сочтены, но его слова не добавили нам радости. И все же мы испытали облегчение, решив, что Терри уже не вернется. Одной заботой меньше!

Нев предложил осмотреть ее комнату и проверить, на месте ли ее пожитки. Если комната пуста, тем лучше. Тогда о Терри можно забыть.

Мы дружно потащились на второй этаж. Пес не отставал от нас. Несмотря на кривые лапы, он отлично умел бегать вверх-вниз по лестнице.

Но у двери комнаты, в которой жила Терри, пес повел себя странно. Его ухо, обычно стоявшее торчком, прижалось к голове, как второе; он припал к земле и стал издавать странные звуки, отдаленно напоминающие жалобный вой.

Фитиль опустился на колени, погладил пса по голове и спросил, что случилось. Но пес не вставал и вид имел самый жалкий.

– Наверное, слопал что-нибудь тухлое, – предположил Нев.

Его слова встревожили Фитиля; он слышал, что собак сквоттеров часто травят. Фитиль опустился на пол и стал уговаривать своего любимца открыть пасть. Ему хотелось посмотреть, не в пятнах ли собачий язык.

А мы с Невом толкнули дверь и вошли.

Терри оказалась у себя. Она поднялась к себе еще вчера днем, когда мы уходили. Она была в комнате и когда мы вернулись, была там и ночью. И чуть раньше, когда Фитиль жарил сосиски, и гораздо позже, когда больной желудок погнал меня в уборную.

Она висела под потолком.

Я помню всю сцену очень отчетливо, почти как если бы сделала мысленный снимок, который всегда можно извлечь из памяти и всмотреться. Ее комната, как и весь дом, когда-то была очень красивой. Бледное солнце светило в высокие, узкие окна, над одним из которых сохранился кусок старого медного карниза. Обломок поблескивал на солнце, как золото. Углы были затянуты паутиной, в которой остались дохлые пауки. Фриз украшала лепнина с ионическим орнаментом. В середине потолка находилась алебастровая розетка, вся в пыли, с резными виноградными лозами, дубовыми листьями и желудями. Легко было представить себе причудливую люстру, возможно свечную, которая висела здесь в незапамятные времена.

Теперь на месте люстры висела Терри. Ее шею перерезало что-то темное – позже выяснилось, что это собачий поводок. Фитиль почти никогда не выгуливал своего любимца на поводке, потому что его пес был прекрасно воспитан и всегда шел с ним рядом. Поводок обычно валялся где попало и вот теперь очутился на шее у Терри.

Несмотря на потрясение, какое все мы тогда испытали, а может быть, наоборот, благодаря ему, я запомнила ее прекрасно, до мельчайших подробностей. На Терри, вернее, на ее теле были рваные джинсы с расстегнутой молнией спереди. Молочно белел голый живот. Кроме джинсов, на ней была лишь старая, выцветшая футболка, которая задралась почти до самой груди. Мышцы живота натянулись, отчетливо выпирали ребра. Босые ноги покрывали розовато-лиловые пятна. Я заметила «косточку» на ее левой ступне и подумала: больше она Терри не беспокоит.

Как и комната, Терри была когда-то красивой, и, как комната, больше она красивой не была. За ночь под тяжестью тела шея удлинилась и стала как у представительниц какого-то африканского племени, которые специально надевают на шею металлические обручи. Кроме того, от врезавшегося поводка, перетянувшего шею, лицо раздулось и почернело. Из раскрытого рта высовывался распухший язык, как будто Терри, даже умирая, пыталась нас уязвить. Глаза, испещренные багровыми прожилками, вылезли из орбит и смотрели на нас.

Нев ахнул:

– Господи! Она повесилась!

Тогда у меня не было никаких оснований полагать, что он не прав. Рядом с трупом валялся опрокинутый полуразвалившийся стул. Я представила, как она забирается на него, надевает на голову петлю и прыгает с сиденья...

Видимо, ее постигла мучительная смерть. В старые времена палачи умели так завязывать петлю, чтобы у повешенных сразу ломались шейные позвонки. Ну а Терри умерла от удушья – причем задохнулась она не сразу. А стул оттолкнула случайно, когда болтала ногами. Наверное, поняла, что ее ждет на самом деле, раздумала кончать с собой и захотела снова ощутить опору

под ногами. Может быть, она пыталась ослабить петлю и слезть. Она бы наверняка поумнела, если бы выжила, пусть даже и со шрамами на шее.

Наверное, в подобном положении многие самоубийцы решают все вернуть. Не Терри первой пришла в голову такая мысль. Видимо, оказалось, что вернуть все назад не так просто. Со смертью не шутят. Ее следует принимать всерьез. Так что, независимо от того, передумала она в конце концов или нет, все вышло как вышло.

Вот так мы получили труп – и вместе с ним кучу неприятностей.

Глава 2

Невозможно было заранее предугадать, сколько всего ожидает нас после нашего жуткого открытия. Но я сознавала, что власти обратят на нас самое пристальное внимание. Моим товарищам было не до предвидения будущего; они никак не могли отделаться от ужасной картины висящего под потолком тела. Нев выбежал вон; вскоре мы услышали, как его тошнит в уборной. Оказалось, что раньше он никогда не видел покойников. Я-то видела, и все равно смотреть на мертвую Терри мне было нелегко.

Фитиль наконец оставил в покое пса и вошел в комнату. Он не упал в обморок, но побледнел больше обыкновенного. Выражение лица у него всегда было измученное; теперь он, должно быть, напоминал ту белую крысу, которую он когда-то держал в качестве домашнего любимца.

– Давайте уйдем отсюда! – сразу взмолился он, вытирая обильно вспотевший лоб. Он буквально источал запах страха – словно затравленный зверь. – Давайте не будем тратить времени даром. Соберем наши пожитки – и ходу!

– Не будь идиотом! – посоветовала я. – Властям все о нас известно: и имена, и все остальное. Нас быстро найдут.

– Ну зачем она так? – спросил Фитиль. – Неужели из-за выселения? А знаете что? – Глаза у него заблестели. – Так мы и скажем тому козлу из муниципалитета! Мы скажем, что он ее довел!

– Фитиль, заткнись! – приказала я.

Мне нужно было подумать. Похоже, никто, кроме меня, не был сейчас способен мыслить здраво. Как обычно, самое трудное взвалили на меня. Фитиль, поддавшись слепому страху, собрался бежать неизвестно куда, а Нева все время тошнит. Вот и все, на что они способны! Иногда Нев и Фитиль кажутся мне парочкой младенцев; о них точно так же нужно было все время заботиться. Каждые пять минут думать за них и волноваться, где они и чем заняты.

Вернулся Нев; вид у него по-прежнему был болезненный, но он старался взять себя в руки.

– Разве не нужно... снять ее? – едва слышно спросил он. Голос его сорвался на предпоследнем слове. – Нельзя же оставлять ее вот так... висеть. Это неприлично!

С одной стороны, он, конечно, был прав. Висящая Терри в самом деле выглядела неприлично. Но мы не имели права трогать ее. Мы не должны были ни к чему прикасаться. Я постаралась как можно популярнее растолковать это им обоим.

Услышав мои слова, Фитиль явно испытал облегчение. Уж он-то совершенно не желал прикасаться к Терри. Зато Нев неожиданно разволновался.

– Нельзя оставлять ее там болтаться! – Голос у него стал громким и каким-то механическим, как будто шел из компьютера. Да, он произносил звуки, которые складывались в слова, и все равно казалось, будто их говорит не человек.

Неожиданно он метнулся к Терри; я не успела его остановить, как он схватил ее за ноги. Не знаю, что ему померещилось. Может быть, вообразил, будто сумеет стянуть ее без посторонней помощи. Но почти в тот же миг, как он коснулся ее, попятился назад с придушенным криком:

– Она совсем твердая...

Труп, пришедший в движение после его неуклюжего рывка, начал медленно вращаться на поводке, словно жутковатая скульптура-мобайл, свисающая с потолка. Я осторожно осмотрела крепление для люстры, на котором повесилась Терри. Мне показалось, что долго оно не продержится. Поразительно, что выдерживало до сих пор. Теперь в любой миг, особенно после того, как тело пришло в движение, оно с грохотом рухнет на пол и без нашей помощи. И если тело рухнет, нас ждут еще более серьезные неприятности.

А если Нев прав? Его слова навели меня на некоторые мысли. Я точно не знала всех признаков трупного окоченения, зато помнила, что до его наступления должно пройти двенадцать часов, и продолжается оно еще двенадцать, а потом постепенно проходит, в зависимости от разных факторов. Раз Терри сейчас, как сказал Нев, «совсем твердая», значит, смерть наступила вчера во второй половине дня. Надо сейчас же звать полицию, иначе придется объяснять причину отсрочки.

Нев был не в том состоянии, чтобы спорить, и покорно кивнул.

– А я говорю, надо делать ноги! – возразил Фитиль, которого мои доводы не убедили.

Представителей закона он не любил. Да и они его не очень-то жаловали. Пес задрал морду к потолку и завыл, словно соглашаясь со своим хозяином.

– Вот, слышите? – Фитиль ткнул пальцем в собаку. – Она... Терри его не любила... Прямо терпеть не могла. Вечно жаловалась, что у него блохи. А у него никаких блох нет. И все равно он оплакивает ее, видите? Звери лучше людей, я так считаю. Они порядочнее.

– Порядочность, – желчно возразила я, – требует, чтобы мы вызвали полицию!

Мы могли бы спорить до скончания века, но все решилось за нас. Снизу послышались голоса.

Вдруг испугавшись, мы переглянулись. Я проворно сбежала вниз, и... можете мне поверить? Вернулся тот кудрявый тип из муниципалитета. Он привел с собой подкрепление в виде своего сослуживца – обильно потеющего толстяка со злорадной ухмылкой на физиономии.

– Мы пришли проверить, готовитесь ли вы к выселению, – сказал первый, – и напомнить вам о сегодняшнем судебном заседании.

О суде-то я совсем позабыла! Впрочем, теперь все разбирательства утратили смысл. Сейчас представители местных властей были нужны нам меньше всего. Я лихорадочно соображала, как бы от них избавиться.

– Сюда нельзя! – выпалила я. – То есть... ну да, конечно, в суд мы непременно придем. Просто сейчас мы как раз готовимся съехать, так что вы не можете войти... сейчас нельзя.

Чиновник поднялся на площадку, где стояла я, и мрачно воззрился на меня.

– Вас, кажется, зовут Фран? И вы здесь за главную? Просто вы всегда говорите от имени остальных.

Я вздохнула, вспомнив, что в том же самом меня обвиняла Терри.

Ну да, я всегда говорю от имени остальных, потому что, если позволить остальным болтать, что им в голову взбредет, они все портят... Мысли у меня в голове скакали галопом; я придумывала, что бы такого сказать правильного, как бы получше объясниться.

– У нас тут кое-что случилось. Наша приятельница... с ней произошел несчастный случай. Мы должны вызвать помощь.

– Что за несчастный случай? – подал голос толстяк и начал подниматься по лестнице, отвратительно морща физиономию.

– Фран! – Кудрявый посмотрел на меня с озабоченным видом. – Вам нужна скорая помощь?

А он, наверное, не такой уж плохой, мельком подумалось мне. Но времени на психоанализ у меня не было.

Второй отрезал:

– Наркотики, можешь не сомневаться! Кто-то из них обкурился! И не нашел ничего лучшего, как сделать это сегодня! Долго он... она... без сознания?

– Мы не наркоманы! – закричала я. – Никто из нас не употребляет никакой дури!

Я говорила истинную правду. Вот еще одно правило нашего дома. Никаких наркотиков. Терри иногда курила травку, но тем дело и ограничивалось.

Толстяк принялся и буркнул:

– Очень сомневаюсь!

– Здесь воняет плесенью! – ответила я.

Лестница надо мной закрипела, и я услышала собачье рычание. Фитиль успокаивал своего любимца. Потом он подал голос:

– Вам нельзя наверх... Наша приятельница...

После его слов начался настоящий переполох. Первый чиновник взлетел наверх, как гончая, промчался мимо меня и Фитиля, отпихнул в сторону Нева, стоявшего рядом с дверью в комнату Терри. Пес гавкнул и хотел броситься на него, но Фитиль удержал его за ошейник.

– Где она? – завопил чиновник.

Его волнение передалось Фитилю.

– Она повесилась! – заорал он. – А все вы виноваты! Вы вчера пришли и велели нам выметаться, вот она и впала в депрессию!

Толстяк, пыхтя, поднимался по лестнице следом за своим коллегой. Проходя мимо меня, он посмотрел на меня исподлобья. От него плохо пахло; видимо, никто не удосужился посоветовать ему чаще мыться или пользоваться дезодорантом. Закрипели ступеньки. Я надеялась, что плесень сделала свое дело и ступеньки проломятся под его тяжестью, но этого не случилось. Возможно, и к лучшему. Если бы толстяк брякнулся с лестницы, на нашей совести было бы уже два трупа.

Нев промямлил:

– Она там! Мы ее не трогали!

Два чиновника открыли дверь в комнату Терри. Сначала они долго молчали. Потом толстяк начал грязно ругаться.

Мы слышали, как он говорит:

– Этим воспользуется пресса!

Кудрявый чиновник помоложе велел своему коллеге заткнуться. Потом они начали перешептываться. Наконец, кудрявый вышел из комнаты и обратился к нам:

– Мы вызовем полицию. А вы оставайтесь здесь. Никого не впускайте. Ни с кем не говорите! – Он помолчал. – Мой коллега, мистер Уилсон, побудет с вами.

Толстяк с самым мрачным видом затрусил вниз. Выглядел он уже далеко не так уверенно. Пес Фитиля, которому толстяк явно не нравился, снова зарычал.

Толстяк попятился.

– Какой он породы? Питбуль?

– Он что, похож на питбуля? – возмутилась я. – Начать с того, что он вполтину меньше!

– Не сомневаюсь, в нем течет кровь стаффорда, – с гордостью ответил Фитиль. – Уж если он во что вцепится зубами, его не оттащишь!

– Бога ради, – обратился Уилсон к своему коллеге, – поскорее привези сюда полицейских!

В ожидании полицейских все устроились в гостиной, в том числе и Уилсон. Он сидел у двери, скрестив руки на пивном животе – ни дать ни взять женщина на сносях. Наверное, боялся, что кто-нибудь из нас набросится на него. Если он не следил за нами, то опасно наблюдал за псом.

Фитиль притулился в дальнем углу, обхватив любимца руками, и что-то нашептывал в его задранное ухо. Пес то и дело поворачивал голову и взглядывал на хозяина. Один или два раза он лизнул его в лицо. Я понадеялась на то, что полицейские не сочтут пса опасным и не застрелят его.

Нев пока держался неплохо. Он сидел у камина. Если бы не дрожащие пальцы, никто бы и не заметил, насколько он подавлен. Время от времени он посматривал на меня, словно ища поддержки. В ответ я улыбалась ему. Правда, улыбки стоили мне немалых усилий. Настроение у меня было хуже некуда. Голова шла кругом. Очень хотелось хоть в чем-то разобраться до того, как сюда нагрянет полиция.

Для начала нас спросят о Терри, а мы ведь почти ничего о ней не знаем. Наверное, надо отправить их к Люси – может быть, ей известно о Терри больше. Да, наверное... Я пыталась вспомнить все, что Терри рассказывала о себе с тех пор, как поселилась с нами. Но она мне сразу не понравилась, поэтому я старалась общаться с ней только по необходимости... Упустила все подходящие возможности, вот так!

Выговор Терри выдавал хорошее происхождение и образование. Она говорила, как мои одноклассницы из частной дневной школы. Я ходила туда до тех пор, пока отцу вежливо не порекомендовали меня забрать. Конечно, Терри частенько вставляла в свою речь словечки, которых набралась на улице; она всеми силами старалась не выделяться среди обитателей нашего квартала. Только у нее ничего не выходило. Она все равно говорила по-другому. И потом, ее вязаное пальто с биркой дорогой фирмы... Терри таскала его с тех самых пор, как попала к нам. Вязаное пальто было на ней в тот вечер, когда Люси привела ее к нам в сквот. Я точно знаю, что в Оксфаме таких не выдают. Терри взяла его с собой из дому, где бы ее дом ни был!

Не знаю, были ли у нее друзья и чем она занималась целыми днями... Полицейские наверняка спросят, кто из парней – Нев или Фитиль – был ее приятелем. Ни один из них не был. По умолчанию считалось, что Нев со мной, но наши отношения можно назвать чисто платоническими. Точнее, я заботилась о Неве. В одиночку он справлялся с трудом. Общество Фитилю составлял его пес. Люди ему, в общем, не требовались.

Терри положила глаз на Деклана. Но мы не знали, куда ушел Деклан, да и потом, ему и без нас неприятностей хватало. Мне не хотелось наводить полицию на Деклана. Мне он нравился.

Итак, возвращаемся к самому важному вопросу. Почему? Почему она покончила с собой? Я никак не могла понять, что случилось, ведь встречалась с Терри каждый день. Она не выглядела ни подавленной, ни встревоженной; во всяком случае, тревожилась из-за выселения не больше, чем все остальные. Несмотря на слова Фитиля, мне не верилось, что Терри решила на крайние меры, волнуясь из-за выселения. В последние дни она была такой же, как всегда, ворчуньей и нытиком... В подсознании у меня вдруг зазвучал тревожный набат, и мне очень не понравились его звуки и то, на что он указывал.

Я вдруг вспомнила, как была одета Терри, когда мы ее нашли. На ней были незастегнутые джинсы и мятая футболка. Я никак не могла понять, почему она не застегнула джинсы. Если бы она разгуливала в таком виде до того, как повесилась, джинсы непременно сползли бы до лодыжек. Может, она натянула их в спешке и, собираясь покончить с собой, не стала возиться с молнией? Или... В голову мне пришла мысль нелепая и совершенно неуместная. Может быть, кто-то другой в спешке и страхе натягивал джинсы на ее уже безжизненное тело, попробовал застегнуть молнию и бросил, когда не получилось? Я вспомнила о запахе мужского одеколона в прихожей, который почуяла, когда мы с Невом вернулись из Камдена, и свою тогдашнюю догадку: в наше отсутствие в сквоте побывал чужак.

Я прогнала неприятную мысль и сосредоточилась на другом. Трупное окоченение. Допустим, Терри умерла вчера во второй половине дня. Полиция наверняка захочет выяснить, где все мы были в то время, когда видели ее в последний раз, и не выглядела ли она расстроенной или подавленной. Учитывая обстоятельства, вряд ли они поверят, если мы начнем уверять их, что ничего не подозревали. Придется доказывать, что нас не было на месте происшествия. Не такие мы люди, которым можно верить на слово! Итак, всем нам необходимо решить один очень щекотливый вопрос: найти алиби.

Нам с Невом, если повезет, еще можно доказать, что часть времени мы просидели у его друзей, которые угощали нас тушеными бобами по-мексикански. А Фитиль? На первый взгляд уличный художник всегда работает при свидетелях. Но все они, как правило, спешат и лишь мельком косятся на согбенную фигуру, которая трудолюбиво расписывает мелкими квадрат

тротуара. Некоторые подходят, чтобы получше разглядеть картину, но на самого художника, как правило, внимания не обращают.

Должно быть, я пошевелилась, потому что заметила, как глазки-бусинки Уилсона впились в меня. Он напрягся, когда я привстала; наверное, подумал, что я собираюсь выпрыгнуть в окно и бежать по улице, как персонаж боевика. Наверняка он много времени по вечерам просиживает перед телевизором!

Нев встал и сказал:

– Мне нужно выпить воды.

– Оставайся где сидишь, зайчик! – рявкнул Уилсон.

– Его только что стошнило! – возразила я. – Ладно, Нев, оставайся на месте. Я схожу и налью тебе воды. – Я подошла вплотную к Уилсону, угрожающе нависла над ним и объявила: – Вы не имеете никакого права мне мешать! И не забудьте, после вчерашнего посещения вашего коллеги наша приятельница умерла!

– Ты слишком много болтаешь! – огрызнулся Уилсон.

– А у тебя слишком жирное пузо! – ответила я.

– Ну ладно, – прорычал Уилсон. – Ты не так запоешь, когда сюда нагрянет полиция. Иди, налей ему воды. Где кухня?

– Рядом. Если я оставлю дверь открытой, вы отсюда увидите, что я делаю. Идет?

Он что-то проворчал и нехотя вышел в коридор, откуда видны были и гостиная, и дверь кухни. Я вошла в кухню и включила воду. Заодно попила сама, хотя все время спиной чувствовала злобный взгляд Уилсона. Потом я налила в стакан воды для Невы и вернулась в гостиную.

– Спасибо, Фран! – сказал он и стал пить мелкими глотками. Потом прошептал: – Фран, ты ведь меня не бросишь? Не думаю, что мне удастся в одиночку управиться с полицией!

Я снова улыбнулась. Неву придется как-то управляться в одиночку, потому что полицейские допрашивают каждого в отдельности.

Откровенно говоря, я в жизни не видела сразу столько представителей закона – тем более в одном доме. Они прихватили с собой всевозможное снаряжение, прожекторы, фотоаппараты и всякую всячину. Мне даже было бы интересно наблюдать за ними, не находишь мы в центре событий.

Прибыл некий сержант уголовного розыска по фамилии Парри. Его рыжеватые волосы были стрижены ежиком. Проницательные ярко-голубые глаза, на мой взгляд, были слишком близко посажены. Бровей у него почти не было; возможно, в качестве компенсации он решил отпустить усы. Правда, пока его усилия особым успехом не увенчались. Над верхней губой торчали неровные пучки волос, различной густоты и оттенка, как будто Парри страдал чесоткой. Разговаривал он язвительно и, очевидно, не верил ни единому слову из тех, что мы произнесли.

– Итак, что тут у вас произошло? – Сержант Парри достал записную книжку и с усталым видом принялся листать ее.

Мы ответили, что не знаем.

– Не пудрите мне мозги. И не тратьте напрасно драгоценное время – ни мое, ни ваше, ни инспектора. Знаете, во сколько обходится налогоплательщикам расследование тяжкого преступления? Хотя нет, откуда же вам это знать! Ведь вы-то налогов не платите. Вы же халявщики, живете за счет честных граждан. Ладно, выкладывайте все как есть.

Ну что можно ответить на такие слова? Мы дружно промолчали.

– В чем дело? – нахмурился сержант. – Кто-то сказал, что вы имеете право хранить молчание? А может, вам есть что скрывать?

– Нет, – ответила я, стараясь сохранять выдержку. – Мы ведь уже сказали: мы не знаем, что случилось.

Сержант вздохнул:

– Слушайте, я ведь все знаю! Вы решили поиграть, только все кончилось плохо. Может быть, заключили идиотское пари... А потом вы до смерти перепугались. Или обкурились до потери сознания? Ну, как? И то и другое? Имейте в виду, произведут вскрытие. Мы выясним, какую именно дрянь вы принимали. Все будет гораздо легче, если вы признаетесь сейчас. В суде оценят вашу искренность.

– В каком еще суде?

– В коронерском. В каком же еще? Похоже, нечистая совесть не дает вам покоя.

Я собиралась сохранять хладнокровие, но, услышав его слова, не сдержалась:

– Мне казалось, когда случается такая трагедия, ваш долг – тактично и сочувственно расспросить очевидцев, а не пытаться пришить нам дело!

– А ты у нас нахалка, так, что ли? – Сержант ткнул в меня шариковой ручкой. – Учти, красавица, твой язык принесет тебе много неприятностей. Не дерзи мне! Я все записываю! – Он постучал ручкой по блокноту. – Каждое слово!

Я сказала:

– Ваши усики, похоже, кошка пощипала. Валяйте, записывайте. Вам ведь велено записывать все, а не только то, что вас устраивает!

Сержант Парри отложил блокнот и ручку:

– Ну ладно, не хотите по-хорошему, будет по-плохому. Мы поедем в участок и допросим всех вас там. Все будет записано на пленку. Можешь отпускать какие хочешь остроумные замечания, дорогуша. Но, когда тебе придется подписывать протокол, веселья у тебя поубавится.

Я спросила:

– Разве мы арестованы? За какое преступление?

Он изобразил шутливое удивление:

– Конечно нет, дорогуша! Как можно!

Я понимала, что мы можем и отказаться ехать с ними, но, с другой стороны, едва ли к нам отнесутся благосклонно. Сейчас лучше не обострять отношения... Поэтому мы поехали в участок.

У нас сняли отпечатки пальцев. Снятие отпечатков не показалось мне оправданным. Я спросила, зачем полицейские так себя утруждают.

– На всякий случай. Если мы поймем, что ваши пальчики нам больше не нужны, отпечатки уничтожат, – ответили мне.

– Неужели уничтожат? – спросила я, но ответа так и не получила.

Нас разделили, чтобы мы не могли сговориться. Не знаю, куда увели Нева и Фитиля. Когда уводили Нева, он выглядел хуже некуда. Лицо серое, по лбу течет пот. Вид у него был на сто процентов виноватый. Я надеялась, что полицейские поймут, как ему нехорошо.

Меня отвели в тесную комнатку – кроме единственного стула в ней не было никакой мебели, – где я просидела целую вечность. За мной следил скучающий констебль, который то и дело ковырял пальцем в ухе, а потом вынимал палец и с интересом разглядывал то, что он оттуда извлек. Очень хотелось чаю, но мне почему-то его не предлагали. Наконец, заглянул сержант Парри и сообщил, что со мной хочет побеседовать инспектор Морган.

Перед тем как нас увезли из сквота, вернулся кудрявый чиновник из муниципалитета. Выяснилось, что у него типичное валлийское имя Юан. В голову невольно закралась мысль: неужели в местные органы власти поступают служить исключительно уроженцы Уэльса, а если да, то почему их так тянет именно в Лондон? Может, они хотят отомстить англичанам за смерть Ллуэлина?⁴

---

⁴ Л л у э л н или Лливелин (ок. 1223 – 11 декабря 1282) – последний независимый правитель Уэльса.

Оказалось, что инспектор Морган – женщина. Наверное, они решили, что женщина сразу завоеует мое доверие, мы поболтаем, как подружки, и я сразу во всем признаюсь. Зато чашку чая я наконец получила.

Инспектор оказалась довольно молодой, что удивило меня. Я всегда считала, что до инспекторов дослуживаются старикашки с седыми волосами и плохими зубами. Или если это женщины, то напоминающие фигурой кирпичный сарай. Морган была одета неплохо, хотя ей не мешало бы получше постричься и уложить волосы. Больше всего она напоминала школьную учительницу. И манеры у нее оказались примерно такие же – властные и в то же время настороженные.

– Мисс Варади? – спросила она, хотя наверняка знала, кто я такая. – Необычная у вас фамилия; мне такая раньше не встречалась.

– Венгерская, – объяснила я. – На всякий случай, прежде чем вы начнете наводить обо мне справки, должна признаться, что я британка по рождению.

Мой отец приехал сюда из Венгрии вместе со своими родителями в пятидесятые годы, когда в Венгрии была революция. Тогда ему было пять лет.

– Ясно, – сказала инспектор Морган. – Итак, Франческа...

Я перебила ее вопросом:

– А вас как зовут?

Заметив, как она изумилась, я пояснила:

– Видите ли, если вы намерены называть меня по имени, мне придется обращаться к вам так же. В противном случае я буду называть вас «инспектор», а уж вы тогда называйте меня «мисс Варади».

Констебль, стоявший у двери, попытался скрыть ухмылку.

Мои слова инспектор Морган восприняла довольно спокойно.

– Что ж, вы правы, так действительно будет справедливо, – согласилась она. – Ладно, когда мы наедине, можете называть меня Дженис. Итак, Франческа... – мягко повторила она, – прошу вас, расскажите о жизни в сквоте. Расскажите о себе и о своих друзьях. Больше всего, как вы понимаете, меня интересует Тереза Монктон.

– Мы звали ее Терри. – Я в самом деле больше почти ничего не могла сказать о ней. Знали мы ее не очень давно. Кое о чем в связи с Терри я догадывалась, но никаких доказательств у меня не было, поэтому и упоминать о моих догадках сейчас не стоило. О себе Терри не распространялась. Возможно, что-то о ней известно Люси. Так я и сказала инспектору Дженис.

– Были у нее еще друзья, кроме вас? – спросила она.

– Не знаю, она с нами не откровенничала. К ней никто никогда не приходил.

– Вы часто спорили, ссорились?

Ссорились мы довольно часто, потому что Терри была ужасной лентяйкой и все время ныла. И все же я ответила не сразу. Мне не понравился вопрос. Интересно, что у нас произошло, по их мнению?

Вслух я сказала:

– Да не очень часто. У нас были обычные стычки из-за того, чья очередь мыть посуду. Терри была довольно скрытная. Мы всегда старались уважать личную жизнь друг друга. Даже у таких, как мы, знаете ли, есть право на личную жизнь! И сохранять его непросто, когда живешь в одном доме. Надо стараться не задавать лишних вопросов – мы их и не задавали.

– С кем из ваших... товарищей она жила?

– Ни с кем! В сквотах люди приходят и уходят! Случайно получилось так, что остались две девушки и два парня! – Справедливости ради я добавила: – Знаете, я ведь не обязана оставаться здесь и отвечать на ваши вопросы!

– Франческа, вы добровольно согласились поехать в участок.

Я такого не припоминала и так ей и сказала.

– Понимаю, вы перенесли сильное потрясение, – продолжала инспектор Морган, пытаюсь меня задобрить. – Но мы обязаны выяснить все обстоятельства дела. Будем очень благодарны вам за помощь. Давайте попробуем покончить с расспросами как можно быстрее и безболезненнее, хорошо? Расскажите, когда вы видели мисс Монктон в последний раз.

– Живой? Вчера, примерно в обед. В следующий раз я увидела ее уже мертвой.

– Она висела под потолком?

– Конечно, она висела под потолком! Где же еще?

Поскольку инспектор Морган молчала, я продолжала:

– Нев захотел снять ее, потому что выглядела она ужасно, но я запретила ему прикасаться к ней и напомнила, что мы должны вызвать полицию. Мы и собирались вас вызвать, но к нам неожиданно нагрянули два хмыря из муниципалитета.

– Значит, вы собирались известить полицию о случившемся?

– Да! – вскинулась я. – Хотите верьте, хотите нет!

– Франческа, успокойтесь! Я вам верю, верю! С чего вы взяли, что я сомневаюсь в ваших словах?

– С того, что мы – сквоттеры. Только не уверяйте меня, будто представители полиции беспристрастны. Расскажите это вашему сержанту, а то он не знает!

Светло-серые глаза Дженис стали похожи на два кусочка стали. На несколько минут она забыла, что со мной надо разговаривать вежливо и мы болтаем, как две подружки.

– Вы хотите пожаловаться на действия сержанта Парри?

Ну уж нет, подумала я, я себе не враг.

– Славный малый, – сказала я. – Мечта любой женщины!

Дженис Морган посмотрела на меня в упор:

– Скоро у нас будет подробный отчет о вскрытии, и тогда многое выяснится. Но уже сейчас кое-что нас озадачивает. Вы совершенно уверены, что вчера вышли из дому все вместе?

– Я же вам сказала: да! Мы с Невом пошли в Камден проверить одно местечко, где вроде можно было поселиться. Фитиль ушел еще куда-то, скорее всего, в западном направлении. Он искал свободный кусок тротуара, где можно нарисовать картину. Он уличный художник.

– Да, мы как раз его проверяем. Кстати, почему вы зовете его Фитилем? Насколько я поняла, его зовут Генри.

– Не похож он на Генри. Кстати, не я прозвала его Фитилем. Насколько мне известно, так его звали всегда. Никто не зовет его по-другому.

Если бы она получше знала Фитиля, она бы и сама догадалась, что у него мозги слабоваты; кто-нибудь когда-нибудь наверняка отпустил шутку – мол, запал у него пропал.

– Да нет, он ничего, – продолжала я. – Любит животных, а они любят его... – Я наклонилась вперед. – Я знаю, как он выглядит, и знаю, что вы думаете, но Фитиль нормальный! Ему можно доверять!

– А что вы скажете о Невиле Портере?

Я посмотрела на нее в упор и заговорила очень тихо, потому что хотела, чтобы она внимательно выслушала меня и запомнила мои слова:

– Не запугивайте Неву. Запугать его ничего не стоит. Он не умеет сопротивляться. Скажет вам все, что вы хотите, правда это или нет. Он был болен, у него нервное расстройство. Он очень умный, только с жизнью справляться не умеет. Поэтому и бросил учебу. Ему нужен врач. Кстати, вы можете все проверить. Он ничего плохого не сделал, а если вы хитростью или силой вырвете у него признание, достаточно взглянуть на его медицинскую карту, и станет ясно, что никакой суд его показаний слушать не станет. Так что оставьте его в покое.

Инспектор Морган натужно улыбнулась:

– Кое-что нам уже известно. Нам позвонил поверенный его семьи.

Быстро они работают! Зря времени не теряют. Но я догадалась, что произошло. Как только Нева оставили одного, он распахнулся и попросил адвоката.

– Нев сам попросил позвонить адвокату?

– Да... – вкрадчиво ответила Дженис и продолжила: – Насколько нам известно, он очень нервный и у него, похоже, было нервное расстройство. И все-таки зачем ему адвокат? Может быть, сошел бы просто родственник или знакомый? Или кто-то из врачей, лечивших его? Если он ничего не сделал, ему придется всего лишь ответить на несколько самых простых вопросов.

Я разозлилась, потому что только что попыталась все объяснить, а инспектор будто ничего и не слышала. Но я понимала, что не имею права выходить из себя. Я посмотрела инспектору в глаза и ответила решительно, но вежливо и отчетливо, именно так, как нас учили говорить в частной школе:

– Но ведь он имеет право на защиту?

– Д-да... – Она захлопала глазами.

– Так в чем же дело?

Я перебросила мяч на ее половину площадки. Дженис это не понравилось, однако делать нечего; она лишь наградила меня ледяной улыбкой. Уголки ее рта дернулись кверху, но губы оставались плотно сжатыми. Ее гримаса больше напоминала улыбку мертвеца; я невольно подумала о Терри.

Состояние Нева меня тревожило. Должно быть, он в самом деле испугался, что снова сломается, иначе не попросил бы позвать их семейного адвоката. Ведь не мог же он не понимать: первым делом этот орел юриспруденции позвонит его родителям и скажет, что Нев в беде. Не успеет он оглянуться, как его родители примчатся в Лондон из своей чеширской глуши.

С другой стороны, мне стало легче оттого, что есть кому защитить интересы Нева. Но его поступок лишь вызвал еще большие подозрения у полиции. Отстаивать наши с Фитилем интересы было некому. Впрочем, возможно, нам повезло больше, чем Неву. Мне как-то посчастливилось лицезреть его папашу; если бы я попала в беду, то его захотела бы увидеть рядом с собой в последнюю очередь. Папаша Нева из тех, кто всегда готов поучать, что тебе надо делать, даже если любой идиот понимает: сделать то, что он велит, ты не в состоянии. Когда у Нева случилось нервное расстройство, отец стоял над ним и бубнил, чтобы тот взял себя в руки! Спрашивается, какой от него прок?

– Почему, когда вы вернулись домой и, по вашим словам, жарили сосиски, никто из вас не поднялся наверх и не спросил у Терезы, не хочет ли она присоединиться к вам? Разве обычно вы питались не вместе?

Не знаю, зачем ей понадобилось столько раз повторять одно и то же, причем каждый раз по-разному. Либо она туго соображала, либо надеялась, что рано или поздно я начну сама себе противоречить.

Я в энный раз повторила:

– Ведь я уже рассказывала, что мы с Невом обедали. К тому же Нев вегетарианец. Можете проверить все, что я сказала. Не знаю, чем занималась Терри после того, как мы с ней расстались в понедельник. Мы не поднялись к ней в комнату, когда пришли, потому что думали, что ее нет дома и она вернется позже. А еще напоминаю: Терри с нами не откровенничала, не делилась своими тайнами. Она куда-то уходила, а чем занималась – не знаю.

– Так почему вы поднялись к ней сегодня утром? Может быть, что-нибудь навело вас на подозрения?

– Нет! Мы решили, что она ушла насовсем... и решили проверить.

Я тут же пожалела, что выпалила такую неудачную фразу. Бедная Терри действительно ушла насовсем. И – вот ведь характер! – ухитрилась создать всем остальным массу проблем даже своей смертью!

Образ Терри то и дело возвращался ко мне, хотя я и пыталась его отогнать. Висящее тело как будто находилось в одной комнате с нами. Черно-багровое лицо, утратившее сходство с лицом живой Терри... Ее изящные черты были изуродованы, раздуты. Она показывала нам распухший язык, словно по-детски издевалась.

Морган как будто прочитала мои мысли:

– Франческа, когда вы нашли мисс Монктон, вы обратили внимание на кровоподтеки?

Набат забил в моей голове еще громче. Все видимые участки кожи Терри были в розовато-лиловых и серых пятнах; правда, врач на вскрытии имел возможность взглянуть на них поближе. Времени прошло мало, наверняка подробное вскрытие еще не произвели, только предварительный осмотр, при котором констатировали смерть. И разумеется, кровоподтеки бросались в глаза. Да, инспектор Дженис хитрее, чем я ее считала!

– Хотите сказать – как будто она упала? – Я тоже умею быть уклончивой.

– Ну да... Хотя... скорее, как будто кто-то недавно ее избил.

– Кто-то недавно ее избил? – Плохо, очень плохо!

– Наверняка мы, конечно, не знаем – да, Франческа? – Она снова оскалилась в улыбке, которую сама наверняка считала задушевной. – По крайней мере, я не знаю. При беглом осмотре создалось впечатление, что у нее ушибы на бедрах, предплечьях и сильный ушиб головы сбоку, произошедший от удара, достаточно сильного, чтобы оглушить ее. И еще у нее царапина на правом бедре.

Все хуже и хуже!

– Поэтому еще раз спрашиваю: вы часто дрались?

– А я еще раз отвечаю: нет! Ссорились – да, часто. Но драться мы не дрались – никогда!

– А ваши ссоры... были по своей природе эмоциональными?

Я вздохнула:

– Да с кем там особенно ссориться? С Невом? С Фитилем? Вы, наверное, шутите. Мы жили по своим правилам и более-менее поддерживали мир.

Но думала я кое о чем другом. Как оказалось, Дженис тоже.

– Расскажите, как она была одета, когда вы нашли ее. Вам ее гардероб не показался необычным?

Я призналась, что одежда Терри слегка обеспокоила меня.

– Вот и меня тоже, – кивнула Дженис. – Джинсы и футболка. Никакого нижнего белья. Она обычно так и ходила без трусов?

– Откуда мне знать? – возмутилась я. – Лифчик она не носила никогда – ей незачем было. А царапина на бедре... Глубокая?

– Да, определенно; в ранке мы нашли несколько заноз. Судмедэксперт установит их происхождение. Приводила ли она когда-либо в дом мужчин?

Последний вопрос снова оказался очень неожиданным и коварным. Я понимала, на что намекает инспектор, но мне казалось, что она ошибается.

– Она не приводила с собой никого, ни мужчин, ни женщин. Если она и занималась проституцией, то работала далеко от нас, в другой части города. Я никогда не замечала никаких признаков.

Дженис оставила неприятную тему и суровый тон и снова заговорила примирительно:

– Если можно, расскажите, пожалуйста, о собачьем поводке. Собака принадлежит вашему другу, которого вы называете Фитилем, верно?

– Да. Поводок всегда валялся где-то в доме. Его пес прекрасно воспитан, и он нечасто выводил его на поводке.

– Хотите сказать, что в принципе поводок мог взять кто угодно? Можно ожидать найти на нем отпечатки ваших пальцев и всех обитателей дома?

Ее вопрос стал для меня словно ударом в солнечное сплетение. Так вот почему они потопились снять у нас отпечатки, не дожидаясь, пока мы начнем возражать! Мне стало по-настоящему тошно.

Мне не хотелось больше говорить, чтобы она ничего больше не заподозрила. Но кто-то рассказывал мне, что до сих пор невозможно снять четкие отпечатки пальцев с шероховатой поверхности. Во всяком случае, они недостаточно четкие, чтобы их можно было предъявить в суде как улику. Человек, который меня просвещал, уверял: для того чтобы подозреваемого признали виновным, необходимо найти между его отпечатками и отпечатками, снятыми на месте преступления, сходство по шестнадцати пунктам. Шестнадцать пунктов – это ужасно много. Поводок Фитиля старый, кожаный, протертый. Дактилоскопистам крупно повезет, если им удастся найти на нем хоть что-то удобоваримое.

Инспектор Морган продолжала сверлить меня стальным взглядом. Я постаралась ответить ей тем же.

– Не думаю, что готова ответить на остальные вопросы без адвоката.

– Боже правый! – воскликнула инспектор Морган. – Сначала Портер, теперь вы. Франческа, вам-то зачем понадобился адвокат?

– Ответ прост. Сначала вы уверяли, что хотите лишь расспросить меня о том, что было перед тем, как мы нашли труп Терри. Потом признались, что кое-что вас беспокоит. Но ваши вопросы указывают на то, что вы подозреваете не просто самоубийство. Я не тупая. Вы считаете, что ее убили.

Глава 3

Когда представители закона поняли, что я в самом деле не стану больше отвечать на вопросы, допрос резко прекратился – на время. На данном этапе им не слишком хотелось беседовать с нашими адвокатами, пусть даже с самыми некомпетентными. Они ведь не знали наверняка, что Терри убили. Протокола вскрытия еще не было. Дженис ледяным тоном поблагодарила меня за помощь и буркнула: возможно, нам с ней еще придется побеседовать. Где я живу?

Я ответила, что мой адрес им известен. Все еще улыбаясь, она заметила: насколько ей известно, в течение следующих нескольких дней нас выселяют. Я ответила, что другого места жительства у меня нет, и предложила ей спросить чиновников из муниципалитета, как они намерены с нами поступить. В ответ мне велели подождать снаружи.

Через какое-то время мне сообщили, что представители полиции связались с местными властями. Те обещали предоставить мне жилье – только мне, но не Фитилью и Неву. Исход дела меня просто ошеломил. Должно быть, полиция крепко надавила на муниципальных чиновников, раз удалось добиться успеха там, где ничто другое не помогло. И все же я почувствовала себя не в своей тарелке – как выяснилось, не зря.

Мне также дали подписать протокол допроса. Они распечатали все, что я говорила. Вначале я перечитала свои слова раз двенадцать – мне хотелось знать, под чем я расписываюсь. Потом я спросила:

– Мне можно идти?

Они поразмыслили немного и все-таки отпустили нас всех. Мы поплелись назад, на Джу-били-стрит, а когда пришли, увидели, что вход в наш дом охраняет еще один доблестный слуга закона. Нас он не впустил. Мы говорили ему, что в доме все наши вещи и, насколько нам известно, до пятницы дом еще наш. Он ответил, что нам придется подождать, пока кто-нибудь официально не разрешит ему нас впустить. После недолгого спора он сообщил нам, что в доме сейчас работают эксперты и там ничего нельзя трогать.

– Чего они ищут? – недоумевал Фитиль, когда мы брели прочь. – Труп уже увезли. Комнаты они сфотографировали.

Мне не хотелось тревожить Неву, поэтому я ответила: полицейские – они такие, дотошные.

Фитиль, наверное, решил, что удачно пошутил, сказав: – Они небось думают, что это мы ее повесили?

Он радостно закудахтал. Я не сказала ему, что он попал прямо в яблочко. Именно такая догадка и зародилась в их грязных мозгах.

После того как нас лишили крыши над головой, нам некуда было податься. Нев и Фитиль отправились в паб, а я зашла в овощной магазин на углу – поговорить с Ганешем.

Сама не знаю, сколько раз я проходила по нашей улице по пути домой или из дома и сколько раз проходила мимо магазинчика на углу. На нашем участке улицы мне знакомы все трещины в асфальте. Я помню все места, где скапливается дождевая вода, где выдаются края бордюра, о которые можно споткнуться. Наверное, я могла бы пройти по нашей улице в крошечной тьме и ни разу не наступить в лужу и не упасть ничком. Нередко я действительно возвращалась домой в крошечной тьме, потому что фонари по вечерам довольно часто не горят. Сколько я себя помню, у нас ни разу не меняли асфальт или дорожное покрытие.

Местные власти обещают подвергнуть наш квартал полной реконструкции. По плану той же самой реконструкции они задумали снести ряд домов. Не знаю, что собираются воздвигнуть на их месте. Может быть, шикарные квартиры для молодых чиновников.

Если не останавливаться в конце улицы, а идти дальше, можно спуститься к реке. На другом берегу, на месте бывших доков, настроили дорогого жилья для молодых и успешных карьеристов-яппи. Правда, это было задолго до того, как яппи стали вымирающим видом, вроде снежных барсов. Глядя на узкие проходы между осыпающимися кирпичными домами ленточной застройки, в конце которых сверкают и переливаются на солнце башни из стекла и бетона, я всегда невольно представляла себя Джуди Гарленд в роли Дороти, которая смотрит на Изумрудный город. Из-за этого и еще из-за того, как солнце сверкало на стеклянных поверхностях офисных зданий и жилых небоскребов, я назвала кварталы на другом берегу Хрустальным городом.

– Как футбольный клуб, – заметил Ганеш.

– Футбольный клуб называется «Хрустальный дворец» – «Кристал палас». А я буду звать Хрустальный город, как хочу.

Иногда летними вечерами мы с Ганешем гуляли вдоль реки и сидели на осыпающейся стене над берегом, который обнажается при отливе. Мы смотрели на тот берег и придумывали истории о его жителях. Однажды мы даже переправились и немного погуляли там, но показались себе маленькими зелеными человечками, только что упавшими с Марса. Там было слишком чисто, и над всем витал дух процветания. Жители новых кварталов все как один выглядели подтянутыми и здоровыми, хорошо одетыми, спортивными. Все они казались целеустремленными, как будто все куда-то спешат и точно знают, что им надо от жизни. Мы поспешили поскорее вернуться к себе.

Теперь застройщики добрались и до нашего берега Темзы. Правда, здесь им пришлось долго возиться. Наши дома раскинулись по краям расчищенных стройплощадок, как трущобы или поселки на окраинах мегаполисов. У жителей здешних мест не больше возможностей преодолеть великий водораздел и перебраться в процветающую часть города, чем отрастить крылья и научиться летать.

Живущие у нас старики совсем растерялись. Они всю жизнь проработали в доках до того, как работа там прекратилась и верфи стали достопримечательностями для туристов. Старухи прожили на одном месте всю жизнь, пережили бомбежки во время Второй мировой войны и до сих пор мыли крылечки. В замешательстве пребывали и люди вроде родителей Ганеша, которые иммигрировали в Англию в надежде на лучшую жизнь. Они усердно трудились, стремясь добиться успеха, а угодили в ловушку в наших каменных джунглях. Наверное, они мечтали совсем о другом!

По-моему, мистер Пател надеялся, что после реконструкции всех местных жителей переселят в хорошие дома, как на том берегу. Купить новые квартиры за свои деньги нашим соседям не по карману. Если на нашей стороне начнут селиться более состоятельные люди, они, возможно, будут больше тратить в его магазине. Мистер Пател увлеченно строил планы; думал продавать блюда индийской кухни и так далее. Мне не хотелось его расстраивать и намекать на то, что муниципалитет может решить просто снести его магазин. Мечты нужны всем.

Напротив магазина, на другой стороне улицы, стоит церковь, в которой давно не служат, и кладбище. Мы называем кладбище «погостом». Церковь заколотили, в псевдоготических окнах выбиты стекла, из трещин в кирпичной кладке пробиваются сорняки. Первоначально церковь принадлежала конгрегационалистам. Позже она несколько раз переходила из рук в руки и из одной религиозной ветви в другую. Последними здесь отправляли свой культ представители Церкви прекрасного дня.

Церковь прекрасного дня была ни на что не похожа. Утром по воскресеньям прихожане собирались целыми семьями, все наряжены в лучшее; тогда наша улица напоминала Марди-Гра⁵. И молиться они умели: пели гимны, били в тарелки и так далее. Я уже не говорю о тром-

---

⁵ М а р д и – Г р а – вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста; празднуется во многих

бонах, хорах и аплодисментах. Когда прихожане не пели и не играли на музыкальных инструментах, они слушали проповедника, преподобного Илая, и радостно кричали: «Аллилуйя!» и «Да, Господи!». Один раз в неделю наша улица украшалась светом, жизнью и верой. Но окружение оказалось неподходящим для их собраний, и они съехали от нас под руководством преподобного Илая, крошечного человечка с завитыми седыми волосами. С собой он забрал всех улыбающихся дам в шляпках с цветами, нарядных молодых людей, мальчиков в галстуках-бабочках и девочек в белоснежных носочках, подобно тому, как Моисей увел с собой детей Авраама в пустыню. Не знаю, куда увел свою паству преподобный Илай. Некоторые говорили, что в Хакни. Мне жаль, что они уехали. Я скучала по ним, особенно по преподобному Илаю, который, завидев меня, бывало, нараспев спрашивал:

– Дитя, готова ли ты покаяться? – и награждал меня сияющей золотозубой улыбкой.

Хотя церковь стояла заброшенная, кладбищем еще всю пользовались живые. Сумасшедшая бездомная старуха по имени Безумная Эдна поселилась там среди надгробных плит. Компанию ей составляла стая диких кошек. Пешеходы, срезавшие дорогу через кладбище, очень пугались, когда Безумная Эдна вдруг выскакивала из-за надгробной плиты, как беглый каторжник Мэгвич⁶ в «Больших надеждах» Диккенса, и заговаривала с ними. Со случайными прохожими она всегда беседовала благосклонно, как будто те зашли к ней в гости. Эдна говорила мне, что родилась в знатной семье и когда-то выезжала в свет; я ей верила. Местные власти никак не могли решить, как поступить с кладбищем и церковью, поэтому пока Эдне ничто не угрожало.

Днем в магазин обычно привозили фрукты и овощи; ящики сгружали на тротуар, и Ганеш потихоньку перетаскивал их на задний двор. Самые красивые овощи и фрукты он раскладывал в витрине.

Он занимался грязной работой, поэтому облачился в старые джинсы и свитер с пестрым рисунком. Свои длинные черные волосы он стянул в конский хвост. Ганеш всегда подвязывает волосы, когда работает, потому что так удобнее и еще потому, что на этом настаивает его отец. Дай мистеру Пателу волю, он заставил бы Ганеша постричься и стоять за прилавком в деловом костюме. Во всяком случае, так считает сам Ганеш.

Родители всегда мечтают о лучшем будущем для своих детей. Мой отец тоже мечтал о лучшем будущем для меня. Иногда я надеюсь, что мне еще удастся осуществить некоторые его замыслы и отец обо всем узнает на небесах. Мне хотелось бы угодить ему, пусть сейчас уже и поздно, возместить все разочарования.

Услышав мои шаги, Ганеш поднял голову. Озабоченное лицо прояснилось.

– Фран! Слава богу, с тобой все в порядке. Что там у вас стряслось? Я страшно волновался за вас. Говорят, в вашем скворце кто-то умер!

– Да, – ответила я. – Терри.

Мы оба посмотрели на ту сторону улицы, на наш теперь уже бывший дом. Помимо полиции, у дома собрались зеваки. Рядом с полицейской машиной стоял фургон, которого раньше не было. Если так можно выразиться, сердце у меня упало еще ниже. Вряд ли власти подняли бы такой шум, если бы умерла не Терри, а кто-то другой. Узнав, что у Нева нервное расстройство, полиция поспешила бы признать его смерть самоубийством. Если бы висющим под потолком нашли Фитилия, решили бы, что его смерть на руку обществу – одной проблемой меньше. То же самое можно сказать и обо мне. Но Терри... с Терри все оказалось по-другому. Ее нельзя было просто списать в расход. Полицейские это почуяли, как всегда чуяла я. Вот почему расследование вели по всем правилам. Представители закона не хотели, чтобы потом их обвинили в халатности.

странах Европы и в США. Другое название – «жирный вторник», аналог восточнославянской Масленицы.

⁶ Мэгвич – персонаж романа Ч. Диккенса «Большие надежды».

Ганешу тоже не нравилась бурная деятельность напротив их магазина. Он отряхнул руки и вытер их о свитер; мы молча, не сговариваясь, повернули в переулок и прошли на задний двор.

Двор за магазином Пателов, как всегда, был захламлен. Повсюду стояли пустые ящики, полные ящики, упаковочные ящики, разорванные картонные коробки, приготовленные для мусорщиков. Под ногами валялись раздавленные фрукты и жухлые листья.

Ганеш взял из одного ящика пару яблок и одно протянул мне. Я с удивлением поняла, что страшно проголодалась. Мы сели рядом, и я, грызя яблоко, рассказала ему все, что можно. Правда, о многом пришлось умолчать. Инспектор Дженис строго-настрого запретила мне что-либо рассказывать посторонним. Хотя... какой Ганеш посторонний? И потом, если он уже слышал, что в доме найден мертвец, ему известно почти столько же, сколько и мне.

И все же не зря я какое-то время училась на актрису. Я умело подвела свой рассказ к кульминации и, понизив голос, сообщила: по мнению полицейских, Терри не покончила с собой. Ее убили!

Дешевые театральные эффекты не произвели на Ганеша никакого действия.

– В квартале сплетничают, что она повесилась.

Да, слухи распространяются быстро.

– Полиция считает, что ей помогли.

– Кто? – Вот вам Ганеш как на ладони: всегда задает неудобные вопросы.

– Наверное, мы. Но мы ей не помогали. – В голову мне вдруг пришла одна мысль, от которой мне снова стало тошно. – Ган, если ее правда кто-то убил... значит, она сама впустила его в дом.

Мы повесили на парадную дверь нормальный замок. Точнее, его повесил Деклан. Уходя, мы запирали дверь на ключ. Не хотелось, чтобы наш сквот захватили другие, не говоря уже о представителях власти, которым не терпелось лишиться нас крыши над головой. Возвращаясь по вечерам, мы запирались изнутри из принципа. Кроме чиновников из муниципалитета, неприятности нам могли устроить многие, и в первую очередь застройщики. После наступления темноты мы даже закрывали ящик для писем, чтобы в щель не просовывали горящие тряпки – такие случаи уже бывали.

Если кто-то из нас оставался дома один, принимались дополнительные меры предосторожности. Войти в сквот можно только через парадную дверь. Терри обычно запирала ее и не открывала никому, кроме тех, кого она знала и кому доверяла. Проникнуть в сквот через окна нижнего этажа почти невозможно. Старые деревянные рамы разбухли от сырости и покоребились от времени, и створки почти не поднимаются. Для того чтобы приоткрыть какое-нибудь окошко всего на дюйм, требуются напряженные усилия двух человек, а дело того не стоило.

– Как только полицейские это сообразят, нам придется еще хуже, – заключила я. – Они решат, что ее убил кто-то из своих.

– Терри была знакома не только с вами, – возразил Ганеш. – Наверняка она впустила в дом своего знакомого. Пусть полицейские найдут его и к нему пристают!

– В том-то и дело, Ган. Я не могу назвать ни одного ее знакомого. Мы совершенно ничего о ней не знали. Мы не знали, куда она уходит и чем занимается, когда она не дома. Она всегда была подозрительной и скрытной.

Ганеш на это не слишком любезно заметил: Терри всегда казалась ему больной на всю голову.

Тут вышел его отец, чтобы узнать, почему Ганеш прохлаждается. У мистера Патела своего рода шестое чувство, которое в ста процентах безошибочно подсказывает, где и когда прохлаждается тот, кто должен ему помогать. Иногда я работаю в его магазине по субботам и уже испытала его шестое чувство на себе.

Увидев меня, он сначала как будто обрадовался:

– Ага! Вот ты где, Франческа! А мы так волновались за тебя, дорогая. Что там у вас стряслось?

– Папа, как раз об этом она мне сейчас рассказывает! – терпеливо ответил Ганеш.

– Мистер Пател, Терри умерла, – сказала я.

– Та, вторая девушка? Очень, очень плохо. Как она умерла?

Когда я ответила, мистер Пател озабоченно сдвинул брови. Я неосторожно сболтнула: мол, полицейские считают, что смерть наступила при подозрительных обстоятельствах. Тут мистер Пател не выдержал и начал с самым непримиримым видом тыкать в меня указательным пальцем. Он побагровел; мне показалось, что его сейчас хватит удар.

– Неужели ее убили?! Франческа, скажи, что это неправда! Убийство... на нашей улице, совсем рядом с моим магазином! В том месте, где ты живешь? – Мистер Пател развернулся к сыну и напустился на него: – А что я тебе говорил?!

Ганеш что-то ответил отцу на гуджарати⁷. Миг – и они оба начали орать друг на друга. Я не понимала ни слова.

Впрочем, перевод мне не требовался. Я и так догадывалась, в чем дело. Через какое-то время мистер Пател отвернулся от нас и зашагал назад, в магазин.

– Извини... – отдуваясь, проговорил Ганеш.

– Ничего страшного, я понимаю.

– Слушай, ты нравишься моим родителям! – Ган, словно защищаясь, выставил вперед подбородок. – Но и папу можно понять. Ну да, он слегка вышел из себя, но все потому, что разнервничался. Не очень-то приятно узнать, что в соседнем доме произошло убийство... К тебе его крик не имеет никакого отношения!

– Ган, прекрати! – приказала я.

Ганеш сжал губы; в углах рта проступили глубокие складки. Он вскочил и принялся укладывать штабелями пустые ящики. Трудился он с совершенно ненужным пылом. Через несколько минут, когда его гнев поостыл, он снова сел и сравнительно спокойным голосом спросил:

– Ее убили вчера во второй половине дня? Что говорят копы? Она умерла вчера под вечер?

– Они ничего нам не говорят, но нас всех не было дома с половины второго. Мы с Невом вернулись около семи. Фитиль пришел позже. Труп, когда мы его нашли, уже окоченел. Да, скорее всего, смерть наступила вчера во второй половине дня.

Он задумчиво смотрел в пространство.

– Слушай, может быть, одно никак не связано с другим, но вчера во второй половине дня я заметил на нашей улице одного типа...

Он замолчал, чем привел меня в бешенство.

– Ну говори же! Где? – в досаде спросила я.

– Он слонялся по улице без дела. Потом какое-то время стоял у почтового ящика на той стороне. Раньше я никогда его не видел, поэтому внимательно рассмотрел его, потому что... словом, если чужак начинает слоняться по соседству, как будто что-то замышляет, лучше запомнить его приметы, верно?

– Если он собирался ограбить кого-нибудь из здешних жителей, он явно оптимист! – заметила я. – Здесь ни у кого нет ничего стоящего.

– Нет, на грабителя он не был похож. Крупный такой здоровяк, ростом футов шесть, спортивная фигура, явно следит за собой. На вид ему лет тридцать с небольшим. И одет он был хорошо. То есть в обычную, повседневную одежду, но не старую, не ношеную и не паршивую. По-моему, так одеваются любители охоты, рыбалки и стрельбы. На нем была твидовая куртка.

---

⁷ Г у д ж а р а т и – официальный язык индийского штата Гуджарат и один из двадцати трех официальных языков Индии.

Я задумалась.

– В какое время ты его видел?

– Точно не скажу. Рано, около трех, а может, и раньше. По крайней мере, тогда я его заметил. А когда он явился на нашу улицу, точно не знаю. Я был в магазине. Вышел на улицу и увидел его. Немного постоял снаружи, потому что мне хотелось за ним последить. Вскоре мне пришлось вернуться в магазин, но я все равно то и дело поглядывал на него в окно. Потом меня отвлекли, а когда я снова посмотрел на то место, где он стоял, его уже не было.

– Он на машине приехал?

– Если и на машине, он оставил ее не на нашей улице. Важно одно: он стоял и разглядывал дома на нашей стороне. Возможно, его интересовал именно ваш сквот.

Я задумалась. То, что таинственный незнакомец не оставил машину на нашей улице, меня совсем не удивило. Ни один нормальный владелец мало-мальски приличной машины не оставит ее здесь. Возможно, он – агент по недвижимости, застройщик или как-то связан с будущей реконструкцией. Да, скорее всего, он приехал на нашу улицу по делу. Так я и сказала Ганешу.

– Я уже подумал об этом. Но он ничего не записывал и не фотографировал. И вид у него был вороватый; он как будто не хотел, чтобы его увидели.

– Ну, значит, точно застройщик! – Я встала. – Покажи, где ты его видел.

Мы вышли на улицу, и Ганеш показал нужное место. Почтовый ящик находится футах в двадцати от нашего дома, на той стороне улицы. Незнакомец вполне мог следить за нашим сквотом. Знаю, мы незаконно вселились в пустующий дом, и все равно по привычке называю его «нашим».

– По-моему, он скоро понял, что я его засек, – продолжал Ганеш. – Отвернулся, ссутулится и сделал вид, будто читает рекламу на почтовом ящике. Актер из него никудышный, уверяю тебя! Может, испугался, что я вызову полицию?

– Наверное, так тебе и следовало поступить. – Его рассказ встревожил меня больше, чем мне хотелось показать.

Неожиданно из-за угла вывернула машина и с визгом затормозила рядом с нами. Я узнала «фиесту» Юана. Он вылез и направился к нам, то и дело озабоченно поглядывая на бурную деятельность у нашего сквота.

– Вот вы где, Фран!

– Сегодня я прямо нарасхват, – буркнула я.

– Вы наверняка забыли о суде! – Юан поморщился. – Надо сказать, у меня у самого из головы вылетело. Успел в последнюю минуту! Мы получили ордер на немедленное выселение. С другой стороны... не думаю, что сейчас... после того, что случилось... вы захотите там ночевать!

– Да, там произошло убийство! – сердито вмешался Ганеш, не дав мне ответить. – А вы по-прежнему достаете ее, собираетесь выкинуть на улицу!

Юан побагровел от злости, но спорить с Ганешем, человеком, по его мнению, посторонним, который не имел ко мне никакого отношения, он не стал. Демонстративно повернувшись к Гану спиной, Юан обратился ко мне:

– Не вешайте нос, Фран! У меня для вас неплохая новость. Мы нашли вам временное жилье.

Значит, в полицейском участке меня не обманули. И все же я подозрительно спросила:

– Что еще за жилье?

– Квартиру. Правда, всего на полгода!

– Просто замечательно! – не выдержал Ганеш. – Значит, для того, чтобы она наконец получила хоть какую-то крышу над головой, надо было кого-то убить?

– Квартира не роскошная, – продолжал Юан, по-прежнему делая вид, будто не замечает Ганеша. – И все же это лучше, чем ничего. Ключи у меня на работе; я дам их вам, как только вы ко мне придете.

Юан уехал, и я попрощалась с Ганешем. Уже в дверях я услышала, как кто-то окликает меня по имени. Я обернулась и увидела спешащего за мной мистера Патела.

– Франческа! – Он подбежал ко мне, тяжело дыша. – Я хотел попросить у тебя прощения за то, что разволновался и поднял такой шум.

– Все нормально, мистер Пател, – ответила я.

– Нет, нет! – взволнованно воскликнул он. – Ничего нормального нет! Это просто ужасно, ужасно! Такое преступление! Хорошо, что с тобой ничего не случилось, дорогая. Очень хорошо. Ты не пострадала?

– Не пострадала, – заверила его я.

Мистер Пател замахал руками:

– Видишь ли, нам с женой сейчас очень трудно. Судя по всему, ты образованная девушка и из хорошей семьи. Образование – вещь хорошая. Но тебе не следует жить так, как ты живешь... в том доме. Теперь ты понимаешь, что случается в таких местах?

Я ответила, что высоко ценю его заботу, но за меня не нужно беспокоиться. Мистер Пател бросил на меня растерянный взгляд, как будто не мог придумать, что еще сказать, хотя сказать что-то ему очень хотелось. Он по природе был беспокойным. Почесал плешь, поправил шариковую ручку за ухом. Некоторое время мистер Пател пытался осмыслить то, что лежало за пределами его понимания. Наконец, он махнул рукой и вернулся в магазин.

Я и так догадывалась, что у него на уме. Он не мог понять, почему я, с виду совершенно нормальная, не душевнобольная, не преступница, живу в доме, который скоро снесут, с группой таких же одиночек. При первом знакомстве со мной мистер Пател пришел в замешательство, узнав, что у меня нет близких родственников и обо мне вообще некому позаботиться. Мое положение казалось ему совершенно неправильным и внушало страх. Конечно, больше всего он волновался из-за того, что я оказываю на Ганеша дурное влияние.

Можно подумать, причина их постоянных конфликтов с Ганешем во мне!

С пол года назад сестра Ганеша, Аша, вышла замуж за бухгалтера по имени Джей. Зять, что называется, подавал большие надежды. С тех пор Ганеша как подменили: он стал мрачный и задумчивый. Ему кажется, что он так всю жизнь и будет здесь прозябать.

– Еще год! – по секрету говорил он мне. – Всего один год, и я уйду!

С родителями он своими планами не поделился. Правда, они и так догадывались. Они все время давили на него. Мне он ничего не говорил, но я представляла себе, каким будет их ответ на его жалобы. Хорошенькая шестнадцатилетняя девушка с безупречными манерами и неплохим приданым. Родители Ганеша считают, что я буду против его женитьбы. Они ошибаются.

Я вспомнила о квартире, обещанной Юаном, и разволновалась.

Глава 4

Юан оказался прав. Самое лучшее, что можно было сказать о квартире, которую он мне подыскал, – у меня, по крайней мере, будет хоть какая-то крыша над головой. Мое новое жилище размещалось на шестом этаже многоквартирной башни, предназначенной к сносу. Половина жильцов уже съехала, а в пустом подъезде порезвились вандалы. Лифт не работал. Лестницу покрывали граффити. В потолке над моей дверью зияла дыра, откуда торчали странные волокна, похожие на остатки утеплителя. Так что... ну да, Юан, мягко говоря, не преувеличил, сказав, что квартира не роскошная.

Мне стало нехорошо при виде своего временного жилища. С другой стороны, я понимала, что не смогу спокойно спать в доме, где повесилась Терри. Так что придется какое-то время пожить здесь – хотя бы несколько недель. Я поблагодарила Юана, который тоже приехал взглянуть на квартиру.

Естественно, я сразу предложила Неву и Фитилю поселиться вместе со мной. Нев принял мое предложение с благодарностью. Фитиль, одиночка по натуре, засомневался. Пожив с другими, он убедился в том, что так больше привлекает к себе внимание. Мы все вместе побрели на Джубили-стрит, в очередной раз надеясь вернуть свои вещи. Однако оказалось, что входная дверь и окна заколочены. Постарались либо полицейские, либо сотрудники муниципалитета. Нам пришлось влезть в сквот с черного хода. Мы сложили все, что можно унести, в черные пластиковые мешки для мусора и снесли их к магазину Пателов; Ганеш обещал, что после работы отвезет наши пожитки на новую квартиру в своем фургоне. Ехать сейчас же он не мог; нам оставалось лишь ждать, пока он освободится. Фитиль и Нев отправились в паб, а я решила совершить прощальную прогулку по кварталу, который успела так хорошо узнать – точнее, по тому, что оставили от квартала застройщики. Правда, уходить далеко я не собиралась, но все же хоть какое-то развлечение...

Я завернула на кладбище. Вдруг из-за надгробной плиты выскочила Эдна в роли каторжника Мэгвича.

– Куда ты так спешишь, дорогуша? – осведомилась она.

– Никуда, – ответила я. – Я не спешу. – Мне стало грустно при мысли о том, что на новом месте Безумная Эдна уже не остановит меня.

Я присела на могилу. Эдна села рядом и стала рыться в карманах своего грязного пальто. Вид у нее был взволнованный, как у девочки, которая выучила новый фокус и которой не терпится его показать.

Наконец, она извлекла из кармана золотистую пачку сигарет «Бенсон и Хэджис», очень чистую и не мятую. Повертела ее в руках, потыкала ногтем, торчащим из перчатки. Несколько раз благоговейно погладила сигаретную пачку, аккуратно вскрыла и очень гостеприимно предложила мне сигарету.

Я отказалась, но она все тыкала в меня золотистой пачкой, глядя мне в глаза. Ей, наверное, приятно было угощать других и хотелось понять, оценила ли я такую красоту. Будь у нее в руках слиток золота, она и то не выглядела бы счастливее. Эдне не терпелось поделиться со мной радостью.

– Очень красиво, Эдна! – воскликнула я, но от сигареты все равно отказалась.

Немного приуныв, Эдна вытянула сигарету для себя.

К моему удивлению, у нее оказались и спички: картонная упаковка из тех, которые бесплатно раздают в барах и ресторанах. Видя, как она силится зажечь спичку, я предложила ей свою помощь. Оторвала картонную спичку, чиркнула ею по серной полоске и дала Эдне прикурить.

Перед тем как вернуть ей картонку, я прочла, что на ней было написано. Это были спички из уинчестерского бара. Эдне не понравилось, что я так пристально рассматриваю ее собственность и вообще держу спички в руке. Она выхватила у меня картонку и спрятала вместе с драгоценной пачкой сигарет. Где? Я решила лучше даже не думать. Из ее драных митенок торчали пальцы, изуродованные ревматизмом. Конечно, Эдне уже нельзя жить под открытым небом на кладбище. И все же я живо представила, сколько трудностей ждет того, кто задумает ее переселить. Ей здесь нравилось. Запах от нее шел малопрятный и довольно сильный, и я отодвинулась как можно дальше.

Неподалеку от нас в высокой траве улеглись две кошки и, прищурившись, наблюдали за нами. Еще одна свернулась клубочком и спала на могиле. Рядом с Эдной обычно всегда можно было увидеть нескольких кошек. Видимо, они приняли ее в свою стаю.

Пока Эдна радостно дымила сигаретой, я сообщила, что меня переселяют во временную квартиру.

– Купи домик в Челси, – посоветовала Эдна. – Челси – славное местечко. Какие там устраивают роскошные приемы! Хотя некоторые считают, что там живут прожигатели жизни. – Она хрипло закашлялась, потому что не привыкла курить целые сигареты.

Эдна мысленно унеслась в те времена, когда только начала выезжать в свет – не знаю уж, когда это было. Понятия не имею, сколько ей лет. Мне она всегда казалась невероятно старой.

Я объяснила Эдне, что завишу от местных властей и мне пока нельзя уезжать из своего округа. Она в ответ что-то невнятно пробормотала и принялась рыться в пластиковых пакетах, которые вечно таскала с собой. Дым попал ей в глаза, и она прищурилась. Обычно Эдна обходится окурками, которые собирает в урнах и сточных канавах... Вспомнив новенькую золотистую пачку, я спросила:

– Что, Эдна, решила шикануть? Бычки надоели, теперь ты сигареты покупаешь?

– Он их обронил, – буркнула в ответ Эдна. – И не заметил. А я увидела. И меня он не заметил. Он шел здесь. – Она махнула сигаретой, указывая на тропинку в высокой траве и покосившиеся памятники.

– Кто – он? – Ответ меня не слишком интересовал, я спросила только так, чтобы поддержать разговор. Сегодня Эдна казалась относительно разумной.

– Какой-то молодой хлыщ, – ответила Эдна. – Не местный. Хорошо одетый. Машину он оставил вон там... – На сей раз она ткнула пальцем себе за спину. На соседней улице между домами есть небольшая площадка, куда можно попасть через дыру в ограде. Раньше площадка служила стоянкой для малинового микроавтобуса преподобного Илая. – Не люблю чужаков. Являются ко мне и твердят, что мне больше нельзя здесь оставаться. Ну а где мне тогда жить? И потом, как же кошки? Я всем объясняю, что должна заботиться о кошках. Так что, когда явился этот, я спряталась и стала за ним следить. Сразу поняла, что ничего хорошего от него ждать не приходится.

Волосы у меня на затылке встали дыбом.

– Откуда ты знаешь, Эдна?

– Он так себя вел. Все время пригибался, вилял между памятниками, как будто не хотел, чтобы его увидели. Так ему не терпелось спрятаться, что меня он просто не заметил. Я стояла вон там. – Она махнула в сторону разросшихся кустов.

Меня не удивило то, что чужак ее не заметил. В грязном пальто непонятного цвета, бесформенная, Безумная Эдна прекрасно сливалась с окружающей местностью. Я часто сама проходила мимо нее и страшно пугалась, когда она со мной здоровалась. Эдна, как и ее кошки, умела сидеть совершенно неподвижно и наблюдать. Я как-то видела, как она сидит на траве в окружении своих подопечных и только моргает, а они моргают в ответ. Иногда мне кажется, что в кошек вселяются души мертвецов, похороненных на этом кладбище. И меня несколько не удивляет то, что Эдна умеет с ними общаться.

– Эдна, когда говоришь, ты видела того типа?

– Наверное, вчера... – Эдна подняла на меня мутный взгляд. Для нее все дни были похожи один на другой.

Я спросила ее, видела она незнакомца утром или вечером, но она не помнила. И все же Эдна не до конца утратила связь с окружающей действительностью. Неожиданно она спросила:

– Дорогуша, а правда, что твоя соседка повесилась? – В ее слезящихся глазах мелькнула искра любопытства.

– Правда, Эдна.

Она затянулась сигаретой, глядя куда-то перед собой. Невозможно было понять, о чем она думает. По-моему, она не удивилась и не испугалась. Даже ее любопытство теперь, когда я подтвердила слух, угасло.

Я поняла: бесполезно пытаться что-то выяснить у Безумной Эдны. Вполне возможно, она видела того же типа, что и Ганеш. Но мы никогда не сумеем установить наверняка.

Вдруг Эдна встрепенулась и доверчиво наклонилась ко мне:

– Хочу кое-что тебе показать!

Ненадолго я воспрянула духом. Что еще она нашла?

Напрасно я надеялась!

Она повела меня в угол кладбища и с гордостью показала новорожденных котят, еще слепеньких, которые пищали в потрескавшемся каменном склепе. Надпись на камне увековечивала Джосаю и Хепзибу Уилкинс, которые умерли в течение недели от инфлюэнцы в 1819 году, оставив после себя семнадцать детей. Значит, родители оставили достаточно, чтобы сироты не бедствовали, раз дети смогли соорудить им хороший памятник. А может быть, старшие дети позаботились о младших.

Факт оставался фактом: если о чем-то спросить Эдну, вряд ли получишь вразумительный ответ. Возможно, она – ценный свидетель, а возможно, нет. Ее саму волновали только ее обожаемые кошки. Она все время спрашивала, что будет с ней и с ними, если застройщик все же добьется разрешения на перенос кладбища в другое место.

Я выгребла из карманов всю оставшуюся у меня мелочь, протянула Эдне, и она сунула ее в какое-то потайное место в своем грязном пальто.

– Заходи еще! – пригласила она, когда я встала.

Нам позволили забрать из сквота нашу жалкую мебель. Мы перевезли ее на новую квартиру в несколько приемов. Конечно, не сами, а в фургоне Пателов. Потом с трудом взгромоздили вещи на шестой этаж, проволокли по сырому, продуваемому всеми ветрами общему балкону, на который выходили мрачные, облезлые двери. Некоторые из них были заколочены. Я заметила, что квартиры, в которых еще оставались жильцы, забаррикадированы прочно, как средневековые замки. Все указывало на то, что радушный прием нам тут не светит.

Саму квартиру перед моим вселением прибрали и вымели, но она все равно выглядела так, словно в ней недавно произошло восстание. Осклизлые стены все в трещинах, плитусы оторваны. Раковина на кухне накренилась под очень странным углом. Поэтому посуда, если ее поставить на сушилку, соскальзывала вниз.

Фитиль, сбитый с толку больше обыкновенного, бродил по квартире, стуча по трубам и со скрипом открывая дверцы кухонных шкафчиков. Наконец, он с радостным видом воскликнул:

– Есть!

Преисполнившись дурных предчувствий, мы с Невом застыли на месте. Испугались, что Фитиль сейчас извлечет из темного угла какую-нибудь мохнатую тварь, которая здесь обитает.

Он повернулся с пустыми руками, зато с торжествующим видом и объявил:

– Я все понял, Фран! Это не та квартира. Тебе просто по ошибке дали не тот ключ!

Я вздохнула. Мне бы очень хотелось, чтобы Фитиль оказался прав. Как можно осторожнее я объяснила ему: нет, в муниципалитете не ошиблись. Как бы ужасно ни выглядела квартира, она должна стать нам родным домом.

Фитиль покачал головой:

– Не может быть! Слушай, наш сквот хотят снести, а ведь его состояние куда лучше. Я тебе точно говорю, Фран, они что-то перепутали.

Мне пришлось долго убеждать его в том, что все правильно. Наконец, согласившись с моими доводами, Фитиль нахмурился и буркнул:

– Вы как хотите, а я здесь жить не буду.

Его слова задели меня до глубины души: ведь я великодушно предложила ему крышу над головой. Уж кому бы возражать, но не Фитилю... Но он сказал, что ему предложили место в хостеле. Он сходит и выяснит, какие там условия. В полиции ему велели какое-то время никуда не отлучаться. Возможно, он еще им понадобится. Но если в хостел не пускают с животными, он там не останется.

Я напомнила Фитилю про Безумную Эдну. Если в хостел в самом деле не пустят с псом, можно оставить его у Эдны на кладбище. Псу там наверняка понравится, да и на Эдну, хоть она и ненормальная, в таких делах все же можно положиться.

Но Фитиль и слышать не хотел о расставании со своим любимцем, даже на время. И потом, он считал, что кошки способны наброситься на пса всей стаей. Он такое уже видел.

Я облокотилась о перила балкона и смотрела ему вслед. Он шагал по опустевшей улице с рюкзаком за плечами. Пес трусил рядом.

Юан, который нравился мне все больше и больше, пообещал раздобыть какую-то мебель через своего знакомого, который работал в Армии спасения. Мы обнаружили, что в квартире есть горячая вода. Я страшно обрадовалась. Целую вечность не жила в доме с горячей водой. Пока Нев растаскивал по углам наши небогатые пожитки, стараясь сделать жилище обитаемым, я целый час драила ванну, а потом напустила туда воды, забралась в нее и немного понежилась, разглядывая трещины в потолке и большую дыру в стене, откуда выломали бачок унитаза.

Нам с Невом недолго суждено было жить вдвоем. На следующий день нагрянули его предки. Я не удивилась, увидев их. Думаю, что и Нев тоже не удивился. С тех пор как он вошел в дверь моей квартиры, у него был какой-то обреченный вид.

Его отец встал посреди гостиной, пятки вместе, носки врозь, прямой, как кочерга, сцепив руки за спиной, будто инспектировал войска. Мать смотрела на меня с выражением школьной директрисы, которая хочет за что-то отругать меня.

О своей школе я уже говорила. Мать сбежала и бросила нас с папой, когда мне было семь лет, поэтому меня воспитывали отец и венгерская бабушка Варади. По-моему, отцу казалось: из-за того, что мама нас бросила, он обязан расшибиться ради меня в лепешку. Посторонним я говорила, что моя мама умерла. Для меня она в самом деле все равно что умерла, ведь я не знала, где она и что с ней. Папа и бабушка Варади экономили на чем только можно, чтобы я ходила в частную школу для юных леди.

С первого дня, как только меня отдали в ту школу, я то и дело попадала в неприятности; к тому времени, как мне исполнилось пятнадцать, отцу сказали, что мое дальнейшее обучение нецелесообразно. Они имели в виду, что ждут не дождутся, когда я от них уйду.

В характеристике, которую мне выдали, было написано: «Франческа необычайно умна, однако ей недостает прилежания. Она упорно отказывается воспользоваться теми преимуществами, которые предоставляет ученицам наша школа».

Мне в жизни не было так стыдно, как в тот день, когда отец прочел эту характеристику. Они с бабушкой Варади в буквальном смысле лишили себя всех радостей жизни, лишь бы я

училась в дорогой школе, а я так подвела их! Меня охватило раскаяние, но было уже поздно. Я любила папу и бабушку; мне не хотелось их огорчать. Просто так вышло.

Возможно, мне было бы легче, если бы они рассердились, кричали на меня, топали ногами. Но этого не произошло. Папа даже сказал:

– Ничего страшного, *desem*⁸, – и обнял меня, потому что боялся, как бы не обиделась я!

Бабушку Варади пришлось долго отговаривать от похода в школу, потому что она грозила избить директрису. У нас в роду по бабушкиной линии сплошные гусары. Дома хранились портреты некоторых из них, правда выцветшие. Помню, я разглядывала лица предков с нафабренными усами, в доломанах со шнурами, лосинах и начищенных сапогах. Бабушка искренне верила, что ответом на любую беду может стать кавалерийская атака.

Я ушла, закрылась в своей комнате и разревелась. Потом я обещала себе, что больше никогда не буду вести себя так по-идиотски. Обещания своего я не сдержала.

Итак, Портеры-старшие заломили бедняге Неву руки за спину и вывели его на улицу. Его увезли в золотую клетку, которую они называли домом. Судя по тому, как родители с ним разговаривали, они считали, будто ему четыре, а не двадцать четыре года. Хуже того, они намекали, что их близкий друг, главный врач какой-то хорошей клиники, хочет испробовать на Неве замечательные новые способы лечения. Светило науки наверняка справится с его нервным расстройством!

Перед уходом Нев попросил:

– Фран, не пропадай. Оставляю тебе свои книги!

– Спасибо, – ответила я, хотя и понимала, что вижу его в последний раз. Поэтому я добавила только: – Удачи!

Наше расставание казалось настолько неизбежным, что он с таким же успехом мог бы отказать мне свои книги в завещании.

Мать Нева наградила меня весьма неприязненным взглядом. Его отец все то время, пока они были у нас, делал вид, будто меня нет. Так он поступал со всеми и со всем, с чем не в состоянии был справиться – например, с болезнью бедного Нева.

Я поняла, что моя жизнь изменилась навсегда. К добру или к худу? Скорее всего, к худу.

---

⁸ Милая моя (*венг.*).

Глава 5

Я осталась одна. Уже довольно давно я не жила в полном одиночестве. Захотелось быть – тем более в квартире, так сильно нагоняющей тоску. Впрочем, вскоре выяснилось, что о моем существовании не забыли – во всяком случае полицейские.

Поскольку инспектор Морган, наверное, занималась более важными делами, на меня бросили «деликатного» сержанта Парри. Скоро мне стали сниться по ночам его рыжеватые общипанные усики и его физиономия с выражением язвительного недоверия ко всему, что бы я ни говорила.

– У тебя развивается паранойя, – заметил Ганеш в ответ на мои жалобы. Потом он взвалил себе на спину мешок картошки, отнес его в угол двора и, крикнув, сбросил на землю. Он собирался вскрыть его и пересыпать содержимое в ящик.

– Что ты такое говоришь? – как обычно, проворчала я, чувствуя, что имею право выражать недоверие. – Парри не отстает от меня с утра до ночи. Задает одни и те же вопросы, только сформулированные по-разному. Интересно, что думают обо мне в полиции? Что, по их мнению, мне известно?

– А как Нев и Фитиль? Их копы тоже достают?

– А я тебе о чем говорю? Вчера вечером я позвонила Неву, но к телефону подошел его отец и сказал, что Нев в частной клинике. Его запрятали в такое место, где полицейские до него не доберутся. Ну а Фитиль... Я вчера ходила к нему в хостел. Там заправляют какие-то сектанты. Они все время улыбаются как ненормальные, а кожа у них такая, словно они слишком долго сидят в ванне.

– Эй! – неодобрительно воскликнул Ганеш. – Они ведь хотят как лучше!

– Ну ладно. В общем, Фитиля там не оказалось. Мне сказали, что он вернется вечером и я, если хочу, могу оставить ему записку и прикрепить ее на щит у входа. Я так и поступила, хотя не думаю, что Фитиль прочтет мою записку. Вряд ли ему передадут, что я заходила... Кстати, – добавила я, – там его называют Генри. Совсем как в полиции.

– Генри – его имя, – напомнил Ганеш. Иногда он ужасно меня раздражает. – Ты же не могла ожидать, что они станут звать его Фитилем.

Я не собиралась с ним спорить. В голове у меня теснились совсем другие мысли.

– Ган, посмотрим правде в глаза. У копов осталась только я, поэтому они и достают меня по полной программе. Никак не вобьют в свои тупые головы, что напрасно тратят драгоценное время и никому из нас от этого не легче. Так они точно не выяснят, что случилось с Терри – если вообще когда-нибудь что-нибудь выяснят.

Ганеш крикнул и начал пересыпать картошку из мешка в ящик. Запахло сырой землей.

Конечно, я просто спускала пар, и все же мне трудно было делать вид, будто постоянные допросы меня не волнуют. Они начали меня утомлять; возможно, именно на это копы и рассчитывали. Мысли в моей голове стали путаться. Им удалось убедить меня, что я о чем-то умалчиваю или забыла что-то очень важное. Я начала просыпаться по ночам и напряженно думать, пытаясь вспомнить, о чем же я забыла.

– Сегодня тихо, – заметила я Ганешу.

В магазине и правда было пусто, но едва я договорила, как вошла женщина с замурзанным ребенком и начала выбирать овощи.

Ганеш пристально посмотрел на покупательницу:

– Какая уж тут торговля, если половина домов в округе опустела? Мадам, взвесить вам фасоли?

Покупательница отошла от фасоли и недоверчиво уставилась на только что пересыпанную картошку.

– Мне нужна картошка, но эта вся в земле!

– Картошка растет в земле, – сообщил ей Ганеш. – Чего вы хотите?

– Я хочу, чтобы картошка была чище. Земля, знаете ли, прибавляет весу. Она тяжелая. Я не буду платить за землю!

Ганеш вздохнул и сдвинул верхний слой.

– Вот, смотрите. Там картошка чище.

– Спасибо, я сама выберу! – язвительно ответила женщина, отодвигая и эту картошку. Она начала выбирать по одной картофелине, придирчиво оглядывая каждую на предмет земли или повреждений.

– Вот видишь, – обратился ко мне Ганеш. – Представляешь, как плохо торговать овощами?

– Куда хуже быть подозреваемой, – ответила я. – Ладно, Ган, я тебя оставляю. До скорого!

Напротив магазина, рядом с кладбищем, стояла машина. Незнакомая женщина разговаривала с Эдной. Наша местная сумасшедшая прижимала к себе свои многочисленные пакеты. Я еще издали поняла, что она притворяется глухой. Как только появилась я, незнакомка тут же утратила интерес к Эдне, которая поспешила скрыться за могилами. Женщина окликнула меня:

– Франческа!

Приглядевшись, я узнала инспектора Дженис.

– Какая приятная встреча! – преувеличенно обрадовалась она, когда я подошла.

– Что у вас опять? – проворчала я. Они и в самом деле здорово меня достали.

– Приятно слышать, что вы тоже рады меня видеть, – язвительно заметила она.

– Не принимайте мои слова близко к сердцу, – сказала я, – но я совсем не рада вас видеть. С работы меня выкинули, я живу в квартире, в которой впору снимать фильм ужасов, и стоит мне выйти на улицу, как меня подлавливают сотрудники полиции и принимаются допрашивать.

– Сегодня никаких допросов! – заверила меня инспектор Дженис. – Я просто хочу, чтобы вы проехали со мной.

Машина у нее была самая обычная, да и сама она приехала в штатском. Дженис, видимо, вообще редко надевала форму. Сегодня на ней был блейзер в широкую темно-синюю полосу – как будто она прислонилась к свежоокрашенным перилам. Впрочем, как бы она ни оделась и пусть бы даже ехала на трехколесном велосипеде, никто из здешних жителей и на минуту не усомнился бы в ее профессии.

– Почему я должна ехать с вами? – спросила я.

– Я стараюсь отвести от вас подозрения. Неужели вы против? – ответила она.

– Объясните! – У меня имелись все основания не доверять ей. Невольно вспомнились данайцы, приносящие дары... и все такое прочее. Судя по тому, как они работали, Парри нарочно меня изматывал, и теперь, когда я очутилась на дне глубокого ущелья, Дженис собиралась меня добить.

Когда в моей голове возникло последнее слово, я поморщилась. Но Дженис улыбалась. Сегодня она и разговаривала, и держалась примирительно. Наверное, хотела меня уласлить.

– Вы утверждаете, что всю вторую половину дня в понедельник вас не было дома. По вашим словам, вы с Портером ходили в Камден. Я вам верю, но, как вы понимаете, ваши слова нуждались в проверке. Пока что все, к кому бы мы ни обращались за подтверждением, отрицают, что знают вас или Невилу. И никто не признается, что в тот день видели вас или людей, похожих на вас! – Она замолчала и выжидательно посмотрела на меня.

Я вздохнула:

– Так и должно быть. Никто ни в чем не хочет быть замешанным. Их трудно винить!

Дженис ссутулила плечи.

– Вот почему мы сейчас поедem туда вместе. Возможно, вы встретите знакомых... Да не волнуйтесь вы так, сегодня у меня выходной!

Я села в машину. Мы тронулись с места, и Дженис как бы между прочим заметила:

– Мы нашли родных Терезы Монктон.

Ее слова потрясли меня.

– Нашли?!

– Точнее, они сами нашли нас.

По словам Дженис, родственники Терри, оказывается, уже давно ее разыскивали. Она и раньше убегала из дому, но никогда еще не пропадала так надолго. Они испугались, что с ней что-то случилось. Всегда просматривали выпуски криминальной хроники, в которых объявляли о найденных трупах неизвестных молодых женщин. Родные надеялись, что в лучшем случае у нее случилась потеря памяти. Ну а в худшем... их худшие опасения подтвердились. Мне стало их искренне жаль.

На главной улице Камдена нас постигла неудача. Мы зашли в тот дом, где нас угощали рагу из бобов по-мексикански, но знакомые Нева уехали – во всяком случае, так сказали их соседи. Мне показалось, что они лгут. Им просто не хотелось неприятностей на свою голову – как и всем остальным, кого уже расспросила Дженис. Я не обиделась и не удивилась, просто все складывалось одно к одному. В тот миг моя жизнь напоминала греблю на каноэ теннисной ракеткой.

Погода нас побаловала; денек выдался получше, чем предыдущие. Выглянуло неяркое солнце, и лавочники вынесли часть товаров на улицу. И все же Камден переживал не лучшие времена. Сточные канавы были переполнены отбросами. В переулках торговали овощами и фруктами с лотков, а отходы, не особенно утруждаясь, швыряли на землю. Я невольно вспомнила Ганеша и пожалела, что вешала на него свои проблемы. Ему и своих хватает. Вокруг много народу, но мне никто и ничто не поможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.